

ОТДАВНИКИ
ЛИХОЛЕТЬЕМ

Очерки
о нижегородских деятелях
культуры и искусства,
репрессированных
в 30–70-е годы XX века

Нижний Новгород
2009

УДК 94(470.341)“19”
ББК 63.3(2)6-4
О-60

О-60 **Опаленные лихолетьем:** Очерки о нижегородских деятелях культуры и искусства, репрессированных в 30–70-е годы XX века / Сост. В.И. Жильцов, И.М. Фаворская, Н.О. Юдина. – Нижний Новгород, 2009 – 106 с.

В сборнике публикуются очерки о нижегородских деятелях культуры: писателях, поэтах, актерах, репрессированных в разные годы XX века. По-разному сложилась их судьба. Кто-то, как поэт Борис Корнилов, был расстрелян по приговору в самом расцвете своего творчества. Кто-то, как Павел Штатнов, не вынес нечеловеческих условий ГУЛАГа. Но большинство героев очерков сумели после долгих лет пребывания в тюрьмах и лагерях не просто выжить, но вернуться к работе и продолжать жить с достоинством и уважением к людям. Также в сборнике, рассчитанном на широкий круг читателей, публикуются фрагменты литературных произведений, картины и фотографии известных нижегородцев, выстоявших в годы лихолетья и прославивших нашу Нижегородскую землю.

В подготовке книги принимали участие:

А.П. Пашков, Н.Н. Баранова, В.И. Жучков, Е.З. Федорович

В сборнике опубликованы фотографии из архива Нижегородского театра драмы им. М. Горького, Р.Я. Левите, В.И. Жильцова, фоторепродукции Владимира Алексеева и др.

Иллюстрация на обложке: Юрков А.Н. «Муравейник»

- © Комиссия при губернаторе Нижегородской области по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, 2009
- © Государственно-правовой департамент Нижегородской области, 2009

«Не забудьте, помяните...»

Эта книжка открывает новую серию изданий, которые будут рассказывать нижегородцам об их наиболее известных земляках, репрессированных в эпоху лихолетий по политическим мотивам. Известных как крупные политические деятели, командиры производства, священнослужители, военнослужащие, научные работники и преподаватели вузов, журналисты и издатели и, конечно же, деятели культуры и искусства. Как раз последним и посвящено издание, которое вы держите в руках.

Продолжать жизнь, строить будущее невозможно без знания прошлого, без уважения к знаковым фигурам ушедших времен. В противном случае общество будет обречено на бесконечное изобретение велосипедов и наступание на грабли, которые непременно бьют по лбу, и порой очень болезненно.

В книге опубликовано более десятка очерков о тех нижегородцах, которые были репрессированы в разное время и под разными предлогами. Но общее одно: все они хотели жить по собственному разумению, дышать и мыслить свободно, не замыкаясь в рамках одной «единственно верной» идеологии (а она может быть и социалистической, и демократической, и национально ориентированной, и либеральной, и какой угодно).

Мы слишком мало знаем этих людей, хотя они всегда вроде были личностями публичными, открытыми граду и миру: это актер Вацлав Дворжецкий, поэт Борис Корнилов, прозаик Николай Кочин, художник Александр Юрков, музейный работник Сергей Пономарев...

Одни из них уже ушли из жизни, другие пока еще остаются до поры до времени с ныне живущими. Пока! И наш общий долг сохранить память о них, поминать их имена не корысти ради, а для того, чтобы все пережитое Россией в XX веке кошмарно не повторилось бы в настоящем и будущем времени.

В.И. ЖИЛЬЦОВ,
председатель Комиссии
при губернаторе Нижегородской области
по восстановлению прав реабилитированных жертв
политических репрессий

Открытое письмо Сталину

«...Лицемерно провозглашая интеллигенцию «солью земли», вы лишили минимума внутренней свободы труд писателя, ученого, живописца.

Вы зажали искусство в тиски, от которых оно задыхается, чахнет и вымирает. Неистовства запуганной вами цензуры и понятная робость редакторов, за все отвечающих своей головой, привели к окостенению и параличу советской литературы. Писатель не может печататься, драматург не может ставить пьесы на сцене театра, критик не может высказать свое личное мнение, не отмеченное казенным штампом.

Вы душите советское искусство, требуя от него придворного лизоблюдства, но оно предпочитает молчать, чтобы не петь вам «осанну». Вы насаждаете псевдоискусство, которое с надоедливym однообразием воспеваеt вашу пресловутую, набившую оскомину «гениальность».

Бездарные графоманы славословят вас, как полубога, «рожденного от луны и солнца», а вы, как восточный деспот, наслаждаетесь фимиамом грубой лести.

Вы беспощадно истребляете талантливых, но лично вам неугодных русских писателей.

Где Борис Пильняк? Где Сергей Третьяков? Где Александр Аросев? Где Михаил Кольцов? Где Тарасов-Родионов? Где Галина Серебрякова, виновная в том, что была женой Сокольников? Вы арестовали их, Сталин!

Вслед за Гитлером вы воскресили средневековое сжигание книг.

Я видел своими глазами рассылаемые советским библиотекам огромные списки книг, подлежащих немедленному и безусловному уничтожению. ... Против фамилии многих авторов значилось «уничтожить все книги, брошюры и портреты».

Вы лишили советских ученых, особенно в области гуманитарных наук, минимума свободы научной мысли, без которого творческая работа исследователя становится невозможной...»

17 августа 1939 года

Ф. Раскольников

Федор Федорович Раскольников (его подлинная фамилия Ильин) был военным моряком, одним из создателей Красного флота, героем Гражданской войны, дипломатом, писателем, драматургом, публицистом. Он обладал бесстрашным характером, не раз на капитанском мостике глядел в глаза смерти под огнем пушек и пулеметов, не дрогнул, когда в бою был захвачен англичанами, снискал уважение на посту советского посла в Афганистане, позднее – в Болгарии.

Когда начались массовые сталинские репрессии, он одним из первых восстал против узурпатора, поднял свой голос против... расправы с советскими полководцами, геноцида, развязанного «великим вождем». Находясь на Западе (возвращение на родину грозило ему смертью), он 17 августа 1939 года написал «Открытое письмо Сталину», ставшее его политическим завещанием.

Ф.Ф. Раскольников,
командующий Волжской
военной флотилией. 1918 г.

М.А. Хазанов. Назвать поименно.

Выше приводится фрагмент этого письма, обошедшего в свое время всю мировую печать.

Краткие сведения о реабилитированных жертвах политических репрессий

Корнилов Борис Петрович

Родился в 1907 г., с. Покровское Семеновского у. Нижегородской губ.; русский; беспартийный; поэт. Проживал: г. Ленинград, наб. кан. Грибоедова, д. 9, кв. 123.

Арестован 19 марта 1937 г.

Приговорен: Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Ленинград 20 февраля 1938 г., обв.: ст. 58-8-11 УК РСФСР.

Приговор: Высшая мера наказания. Расстрелян 20 февраля 1938 г.

Место захоронения – г. Ленинград.

Источник: Ленинградский мартиролог. Т. 8.

Собольщикова-Самарина Антонина Николаевна

Родилась в 1892 г., г. Ленинград; артистка драмтеатра. Проживала: г. Горький.

Арестована в 1938 г.

Приговорена: обв.: по ст. 58-6.

Приговор: 1 г. 5 мес.

Источник: Книга памяти Нижегородской обл.

Дворжецкий Вацлав Янович

Родился в 1910 г., г. Киеве; поляк; образование высшее; артист областного драматического театра.

Осужден в 1929 г. на 10 лет ИТЛ.

Арестован 2 декабря 1941 г.

Приговорен: Особое совещание при НКВД СССР 31 марта 1942 г., обв.: за контрреволюционную агитацию. Освобожден в декабре 1945 г.

Приговор: 5 лет ИТЛ.

Источники: Архив НИЦ "Мемориал" (С.-Петербург), Книга памяти Омской обл.

Кочин Николай Иванович

Родился в 1902 г., Д.-Константиновский р-н, с. Гремячая Поляна; писатель, отв. секретарь Горьк. отд. Союза советских писателей.

Проживал: г. Горький.

Арестован в 1943 г.

Приговорен: облсуд, обв.: 58-10 ч.2, 58-11.

Приговор: к 10 г. ИТЛ, 5 г. п/п

Источник: Книга памяти Нижегородской обл.

Патреев Александр Иванович

Родился в 1900 г., Павловский р-н, д. Мещера; писатель. Проживал: г. Горький.

Арестован в 1943 г.

Приговорен: облсуд, обв.: 58-10 ч. 2, 58-11.

Приговор: 8 лет ИТЛ, 3 г. п/п

Источник: Книга памяти Нижегородской обл.

Штатнов Павел Петрович

Родился в 1899 г., Нижегородская обл., Кстовский р-н, д. Черемисское; писатель, член Союза писателей. Проживал: г. Горький.

Арестован в 1943 г.

Приговорен: облсуд, обв.: 58-10 ч.2, 58-11.

Приговор: 8 лет ИТЛ, 3г. п/п. Умер в Буреполомлаге 14.04.1945 г.

Залесин Михаил Маркович

(Моисей Меерович) Родился в 1902 г., Украина, Черниговская обл., г. Козельца; директор Горьк. обл. издательства. Проживал: г. Горький.

Арестован в 1943 г.

Приговорен: облсуд, обв.: 58-10 ч.2, 58-11.

Приговор: к 7 г. ИТЛ, 2 г. п/п

Источник: Книга памяти Нижегородской обл.

Жиженков Федор Васильевич

Родился в 1906 г. русский; сотрудник газеты "Ленинец" завода № 197.

Проживал: г. Горький.

Арестован 8 марта 1945 г.

Приговорен: облсуд 27 октября 1945 г., обв.: 58-10 ч.2.

Приговор: 8 лет ИТЛ, 3 г. п/п

Источник: Книга памяти Нижегородской обл.

Пономарев Сергей Михайлович

Родился 24.07.1945 г., Ленинград; русский; обр. высшее, окончил историко-филологический факультет Горьковского университета.; филолог, журналист, лит. сотрудник газеты "Двигатель" з-да "Двигатель революции".
Проживал: г. Горький.

Арестован 3 июня 1969 г.

Приговорен: Горьковским облсудом 24 апреля 1970 г., обв.: ст.70 ч.1 УК РСФСР, 72 УК РСФСР.

Приговор: 5 л. ИТК строгого режима Срок отбывал в Дубравлаге и Пермских лагерях.

Источники: НИПЦ "Мемориал", Москва; Книга памяти Нижегородской обл.

Родители Юркова А.Н.

Юрков Николай Павлович

Родился в 1904 г. Проживал: Хакасия, Таштыпский р-н.

Приговорен: 5 мая 1931 г., обв.: кулаки (Постановление СНК и ЦИК СССР от 1.02.1930).

Приговор: спецпоселение в Томской обл.

Источник: УВД Томской обл.

Юркова Зинаида Ивановна

Родилась в 1903 г. Проживала: Хакасия, Таштыпский р-н, с. Таштып, русская.

Приговорена: 5 мая 1931 г., обв.: кулаки (Постановление СНК и ЦИК СССР от 1.02.1930).

Приговор: спецпоселение в Томской обл.

Источники: УВД Томской обл., Книга памяти Республики Хакасия

Жильцов Владимир Иванович

Родился 28.06.1946, Рязанская обл., Сасовский р-н, с.Пителино; русский; образование н/высшее; студент 5 курса историко-филологического факультета университета.

Проживал: г. Горький.

Арестован 6 июня 1969 г.

Приговорен: Горьковским облсудом 24 апреля 1970 г., обв.: ст.70 ч.1 УК РСФСР, 72 УК РСФСР.

Приговор: 4 г. ИТК строгого режима Срок отбывал в Дубравлаге.

Источники: НИПЦ "Мемориал", Москва; Книга памяти Нижегородской обл.

Список сокращений

- ВМН – высшая мера наказания
- ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
- п/п – поражение в правах
- ИТК – исправительно-трудовая колония

Борис Петрович КОРНИЛОВ

1907–1938

Вряд ли в нашей стране найдется хоть один представитель поколения 50–70-х, которому бы не были знакомы песенные строчки: «Нас утро встречает прохладой...», принадлежащие поэту Борису Корнилову. Композитор Дмитрий Шостакович, написавший музыку к «Песне о встречном», говорил о поэте: «Это великий мастер слова, достойный того, чтобы о нем знали все, знали его поэзию, в которой он сам предстает человеком неистощимого жизнелюбия». Поэт погиб в 31 год. За свою короткую, но удивительно насыщенную жизнь Борис Корнилов успел заявить о себе, как о ярком, самобытном поэте, и навсегда вписать свое имя в историю русской литературы XX века.

Сегодня нижегородцы гордятся тем, что известный русский поэт Борис Корнилов родился и вырос на Нижегородской земле. Но было время, когда память о нем на длительный срок была предана забвению и когда имя Бориса Корнилова боялись произносить вслух даже самые близкие ему люди.

Борис Петрович Корнилов родился в селе Покровском Семеновского уезда. Родители будущего поэта – Петр Тарасович и Таисия Михайловна – были сельскими учителями. Когда Борису исполнилось три года, они переехали в деревню Дьяково, которая почти примыкала к г. Семенову. Семья Корниловых жила на квартире в одном здании со школой, в которой вместе работали родители.

*Боря с сестрами Лизой и Шурой.
1924 г.*

Маленький Борис любил бывать на уроках отца. Он жадно впитывал все, о чем говорилось, тихо стоя возле классной печки. В пять лет он уже умел читать. И читал с удовольствием. «Пяти-шести лет читал Гоголя, Бичер-Стоу, Луи Жаколио, – позднее вспоминал Б. Корнилов. – Читал без разбора, так как у моего отца, сельского учителя Нижегородской губернии, вся библиотека помещалась в одной бельевой корзине. И первый поэт, которого я раскопал среди номеров «Нивы» и приложений к ней, был Пушкин. Шел 1913 год. Прочитав томик Пушкина, я написал свое первое стихотворение «Смерть поэта». Конечно, о Пушкине.

Поощрения, переходящего в восхищение, со стороны домашних не встретил, но Пушкина таскал с собой повсюду».

На один из дней рождения отец подарил Борису книгу Николая Гоголя. Борис настолько выразительно читал младшим сестренкам «Вия», что они со слезами убегали от него. Часами просиживая за книгами, Борис вместе с тем был подвижным, озорным ребенком. В 1914 году, когда ему было восемь лет, отца призвали на войну с Германией. Он остался единственным мужчиной в доме, колот дрова, носил воду из колодца, копал, косил траву.

В 1921 году Борис продолжил учебу в школе города Семенова, куда ежедневно ходил из Дьякова пешком. Многие одноклассники Корнилова увлекались поэзией, зачитывались балладами Василия Жуковского. Революционное время будоражило юные сердца, и впечатлительного Корнилова потянуло к перу. Мать поэта, Таисия Михайловна вспоминала: «Всегда ходил с тетрадкой и блокнотом. Чаще всего написанное прятал или рвал, за что мы на него обижались». Он начал выпускать школьную стенгазету, где помещал свои стихи и частушки

После окончания 8-ми классов Борис решил оставить школу, тем более что в уездном комитете комсомола заметили бойкого

парня и предложили место инструктора бюро юных пионеров. В пионеры тогда принимали молодежь вплоть до 18 лет, было их около 30 человек. Помимо прочей работы в уюме Борис взялся выпускать стенную газету «Комса». Он сам писал в ней, рисовал карандашами и красками и самолично вывешивал у входа в городской сад.

Борис Корнилов и Ольга Берггольц

Корнилов любил шутки, розыгрыши, притягивал к себе внимание своей открытостью, непосредственностью и стихами. Поэзия все больше и больше входила в его жизнь.

В 1925 году в нижегородской губернской газете «Молодая рать» появилась первая публикация Бориса Корнилова. Открыл нового автора руководитель литературного кружка при газете, бывалый селькор и увлеченный собиратель молодых талантов Павел Штатнов. На губернской краевой конференции комсомола он обратил внимание на выставку стенгазет. На одной из них ему бросилось в глаза стихотворение паренька из Семенова. «Он был молод, – вспоминал позже о Корнилове П. Штатнов, – лет 16–17, но несмотря на молодость, в нем ярко пробивалась талантливость. Нотки божьего характера давали себя знать». В то время среди молодых литераторов было модно подписываться псевдонимами. Корнилов назвался Борисом Вербиным.

В этом же году Корнилов обратился в бюро юных пионеров с просьбой «откомандировать его в институт журналистики или в какую-либо литературную школу». Ему становилось все труднее совмещать общественную работу и творчество. Соратники поддерживали молодого поэта, поскольку признали, что «у т. Корнилова имеются задатки литературной способности».

Перед Борисом встал вопрос: куда ехать. В то время он был страстно увлечен Есениным. После некоторых раздумий поэт

решил ехать учиться в Ленинград, где втайне надеялся встретиться с кумиром и показать ему свои стихи.

Ленинград встретил юного Корнилова трагическим известием о внезапной смерти Сергея Есенина. Новость ошеломила его, но он все же решил остаться, поселившись у своей тетки Клавдии Михайловны.

В том же 1926 году Борис Корнилов пришел в литературную группу «Смена» на Невском проспекте. На одном из заседаний группы он читал стихи, которые вез для Есенина. Деревенские мотивы провинциального поэта некоторые восприняли как экзотику. Кто-то критиковал его за есенинщину (как вскоре после смерти поэта принято было выражаться).

Критика подействовала. Корнилов решил не подражать своему кумиру, а просто стать его последователем. Оказавшись среди искушенных знатоков и ценителей поэзии, он стал очень требовательно к себе относиться, много читал, занимался немецким (читал в подлиннике Гейне) и все время писал, писал. Атмосфера, в которую окунулся юный поэт, вдохновляла его. В «Смене» он познакомился с поэтессой, своей будущей женой Ольгой Берггольц. Она позднее писала о нем: «Глаза у него были узкого разреза, он был слегка скуласт и читал с такой уверенностью в том, что читает, что я сразу подумала: «Это ОН». Это был Борис Корнилов – мой первый муж, отец моей первой дочери».

Они много работали, но каждую свободную минуту старались проводить вместе, гуляли по городу и много говорили о поэзии. Вместе они поступили на высшие курсы искусствознания при Институте истории искусств, где перед слушателями выступали Владимир Маяковский, Эдуард Багрицкий и другие признанные поэты.

Ольге Берггольц поэт посвятил свою первую книгу «Молодость». Изданная 3-тысячным тиражом, она принесла Борису Корнилову первый успех.

Корнилов очень любил Ленинград, знал практически все его улицы и закоулки, но его душа рвалась на родину, и каждый год он старался приезжать в Семенов. В 1929 году Корнилов привез в родной город свою жену Ольгу Берггольц и маленькую дочку. Они с Ольгой не раз бывали и в Нижнем Новгороде. Ходили купаться на Гребневские пески, бродили по Откоосу и читали свои

новые стихи друзьям. Прожив вместе три года, супруги в 1930 году расстались.

Критики тех лет называли Бориса Корнилова коммунистическим, даже пролетарским поэтом. Он удивлялся таким определениям, называя себя «типичным попутчиком». Несмотря на то что в поэзии тех лет преобладали призывы, лозунги, чье влияние было заметно в некоторых стихах поэта тех лет, Корнилову удалось сохранить свой слог, выйти на свою стезю.

1931 год стал одним из самых плодотворных для 25-летнего поэта. Вышел его сборник «Все мои приятели», стихи печатались в журналах «Звезда», «Ленинград», «Стройка». Как и у всех одаренных людей, у Корнилова появились недоброжелатели. Несмотря на молодость, он стойко держал удар, продолжая работать.

В 1932 году Корнилов написал свою знаменитую «Песню о встречном» (для к/ф «Встречный»), которая мгновенно принесла ему еще большую популярность.

В те годы многие ленинградские поэты продолжали служить теме глобальной классовой борьбы. Борис Корнилов тоже не раз обращался к ней, но иногда это были, по сути, дежурные, обязательные строки.

Однако в 1933 году в Ленинградском отделении издательства «Молодая гвардия» вышла его поэма «Триполье» о революционных событиях на Украине в 1919 году. Поэму сразу же заметили и вскоре переиздали в Москве. О молодом семеновском поэте заговорили. Высокую оценку творчеству Бориса Корнилова дал на Первом Всесоюзном съезде советских писателей главный редактор газеты «Известия» Николай Бухарин. О поэме Корнилова «Моя Африка» в парижской прессе положительно отозвался Ромен Ролан. На Корнилова обратил внимание знаменитый режиссер Всеволод Мейерхольд, попросив написать пьесу о классовой борьбе в деревне. Они подружились, даже собирались вместе съездить в Семенов. Но не сложилось...

В Ленинграде начались массовые аресты. В доме номер 9 на канале Грибоедова, где в то время жил поэт со своей второй женой Ципой Беренштейн (он называл ее Люсей), каждое утро встречали с облегчением, а ночами оставляли форточки открытыми, чтобы можно было услышать шум подъехавшего черного «воронка».

Арестовали (а затем и расстреляли) приятеля Бориса Корнилова поэта Павла Васильева, якобы за хулиганство. В 1935 году в газете «Литературный Ленинград» было опубликовано постановление президиума Ленинградского союза советских писателей о поведении Б. Корнилова («Выжечь богему»), где его тоже объявили хулиганом, дебоширом и пьяницей.

В 1937 году, в ночь с 19 на 20 марта, «воронок» приехал за Борисом Корниловым. Формальным основанием для ареста был донос руководителя одного из ленинградских издательств, в котором по пунктам были изложены антисоветские взгляды и намерения поэта. Ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, в распространении своих антисоветских произведений по статье 58, п. 10 Уголовного кодекса РСФСР. 13 февраля 1938 года следователь зачитал Борису Корнилову обвинительное заключение, в котором говорилось, что «Корнилов Б.П. с 1930 года является участником троцкистско-зиновьевской террористической организации ... участвовал в нелегальных сборищах указанной организации», где «участники организации критиковали с контрреволюционных позиций мероприятия ВКП(б) и Советского правительства по основным хозяйственно-политическим вопросам, культивировали злобную ненависть к руководству ВКП(б) и высказывали террористические намерения против руководителей ВКП(б) и Советского правительства. ... Обвиняемый Корнилов нелегально распространял свои контрреволюционные литературные произведения под названием «Чаепитие», «Ёлка» и «Прадед», в которых призывал к организованному противодействию коллективизации сельского хозяйства и защите кулачества от репрессий Советской власти...».

«Сфабрикованное обвинительное заключение, в котором не было и не могло быть правды, – пишет в книге о Корнилове В.А. Шамшурин, – было зачитано истерзанному обессилевшему человеку, лишенному не только права, но и возможности возразить своим мучителям. Спустя неделю выездная сессия Верховного суда приговорила Бориса Корнилова к высшей мере – расстрелу. Приговор обжалованию не подлежал. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР, приговор к высшей мере наказания должен был приводиться в исполнение немедленно по его вынесении. Безусловно, так и случилось 20 февраля после часу дня, когда под бумагой уже стояли подписи».

Поэт погиб, так и не узнав, что у него родилась дочь Ирина (перед арестом именно этим именем будущий отец просил назвать дочь). Уже взрослой девушкой узнала она о том, кто был ее настоящим отцом и чьи стихи так старательно разучивала с ней мама наизусть.

Лишь в июле 1956 года Борис Корнилов был полностью реабилитирован. Инициатором пересмотра дела стала первая жена поэта Ольга Берггольц.

Многие факты биографии Бориса Петровича Корнилова стали известны благодаря многолетним усилиям семеновского учителя и краеведа Карпа Васильевича Ефимова. Ему удалось найти место тайного захоронения поэта на территории Левашовской пустоши под Ленинградом. В 1992 году Карп Васильевич получил разрешение на установку в этом месте поминального креста с портретом Бориса Корнилова. В г. Семенове памятник поэту был открыт еще в 1967 году, не первый год при участии К.В. Ефимова работает музей Бориса Корнилова, выдающегося русского поэта, с вдохновением и любовью воспевавшего свою малую и большую родину.

Антонина Николаевна СОБОЛЬЩИКОВА- САМАРИНА

1892–1971

В середине прошлого века ведущей актрисой Нижегородского драматического театра была Антонина Николаевна Собольщикова-Самарина. На спектакли с ее участием было трудно попасть. Об Антонине Николаевне говорили, что блистательный актерский талант органично сочетался в ней с талантом человеческим. В одном из своих последних писем Фаина Георгиевна Раневская писала ей: «Милый вы человек, легкий, умница. С вами и говорить легко, и молчать можно...»

В Нижнем Новгороде прошла большая часть жизни актрисы. Жизни непростой, полной больших творческих удач, зрительской любви и сложных испытаний на прочность. Здесь она стала единственной нижегородской актрисой, получившей звание народной артистки СССР.

Антонина Николаевна родилась в Петербурге в семье провинциальных актеров. Ее отец, народный артист РСФСР, Николай Иванович Собольщиков-Самарин, был редким режиссером, который, работая в провинции, был известен всему русскому театральному миру. Он работал режиссером и антрепренером во многих городах страны, но главным городом в своей театральной судьбе считал Нижний Новгород.

Первый раз семья Собольщиковых-Самариных приехала в наш город в августе 1892 года. Тоне было всего четыре месяца. Здесь прошло ее детство, здесь она училась в третьей гимназии,

находившейся в районе Черного пруда. Отец воспитывал дочь в строгости и к театру не подпускал.

В 1916 году, когда Антонине было уже 24 года, Собоьщиковы-Самарины на время покинули Нижний и переехали в Одессу. Там и началась ее самостоятельная театральная деятельность. Втайне от отца Антонина поступила в труппу к одесскому режиссеру.

Позже она вспоминала: «Когда мы приехали в Одессу в 1916 году, мое внимание привлек артист и режиссер с необычайной формой, необыкновенно развитым телом гимнаста-спортсмена. Это был Борис Сергеевич Глаголин, одаренный, с большой фантазией, большой культурой человек, замечательный режиссер... Двадцатые, тридцатые годы – время исканий ... борьбы с шаблоном ... Он заставлял нас заниматься акробатикой. У меня однажды в пьесе «Миллион Антониев» – автора не помню – была роль, которую я построила всю на приемах акробатики. Это было довольно эффектно, и по молодости лет я была очень довольна, когда в публике спрашивали: «Скажите, а эта артистка, вероятно, работает в цирке?» Отец же говорил, что эти эффекты – шелуха, главное в творчестве артиста – передать суть образа».

Через год Антонина вышла замуж за актера М. Розенталя и начала с ним работать в антрепризе. В 1921 году судьба забросила их в Румынию, где они вместе с группой других русских актеров играли в полупрофессиональных труппах по провинциальным городкам. Несколько лет Антонина Николаевна уже с новым мужем Г. Юрьевым-Паращуком пытались вернуться на родину. Но румынское подданство Самариной и Юрьева препятствовало разрешению въезда в Советскую Россию. Официально выехать не удавалось. Тогда актеры решились на крайний шаг и в январе 1926 года нелегально перешли государственную границу.

Так А.Н. Собоьщикова-Самарина снова вернулась в Нижний Новгород.

Несмотря на то что ее отец, Николай Иванович, уже два года был художественным руководителем нижегородского театра, Антонина Николаевна шесть долгих лет не могла устроиться в его труппу. Причиной тому был закон о семейственности, запрещавший работать в одном театре нескольким членам семьи. Актерской паре пришлось скитаться из театра в театр – Орел, Архангельск, Ялта, Казань, Саратов, Симферополь.

В 1932 году нижегородский театр перешел на круглогодичную работу, и в его труппу вошло много талантливых актеров. Среди них были Антонина Самарина и Георгий Юрьев. Вместе с отцом Антонина Николаевна проработала в театре 13 лет.

Самарина быстро заняла ведущее положение в театре. Неизменным успехом у нижегородских зрителей пользовались ее роли в спектаклях: «Мещане» (Елена), «Волки и овцы» (Глафира), «Двенадцатая ночь» (Мария), «Хозяйка гостиницы» (Мирандолина), «Собака на сене» (Диана) и др.

В 1938 году, ночью 14 июня, после спектакля «Анна Каренина», в котором Самарина играла главную роль, она с мужем были арестованы и доставлены в здание Управления НКВД на Воробьевке (ныне ул. Малая Покровская. – *Прим. сост.*). Им обоим было предъявлено обвинение по ст. 58 п. 6 УК РСФСР – нелегальный переход советской границы в 1926 году и шпионаж в пользу Румынии. В постановлении о предъявлении обвинения и избрания меры пресечения было написано, что А.Н. Соболевицкова-Самарина «является агентом разведки буржуазного государства, по заданию проводит шпионскую работу в СССР».

На допросах Самарина подвергалась издевательствам и избиениям, она просила следователей только одно: чтобы не били по лицу. Но даже в таких условиях оптимизм Антонины Николаевны не оставлял ее. На оборотной стороне ордера на обыск и арест актриса своим размашистым почерком написала: «Читала с удовольствием. А. Самарина 15 июня 1938 г.» В камере она наизусть читала заключенным стихи и монологи, разыгрывала какие-то сценки, вспоминала забавные случаи из жизни, поддерживая в себе и людях веру в жизнь и справедливость.

Чтобы помочь дочери, Н.И. Соболевицкову-Самарину пришлось использовать все свое влияние и известность. В январе 1939 года Антонину Николаевну освободили, не сняв с нее обвинения. На всю жизнь актриса сохранила справку о пребывании в тюрьме г. Горького, в которой говорилось, что она «с 14 июня 1938 года по 24 января 1939 года содержалась в тюрьме и сего числа освобождена». Этот документ был для нее дороже многих наград и званий.

Муж актрисы был освобожден лишь осенью 1943 года. Все эти годы Антонина Николаевна безрезультатно пыталась ему помочь. Семейной паре все же было не суждено воссоединиться. Как

бывший заключенный, Г. Юрьев не имел права жить и работать в г. Горьком и поселился в г. Павлове-на-Оке. Какое-то время они общались, но вскоре все же расстались, сохранив теплые, дружеские отношения.

А.Н. Собольщикова-Самарина целиком отдавалась работе в театре. Шла великая Отечественная война. Вместе с другими актерами она выступала и в госпиталях, на призывных пунктах. И везде оставляла о себе яркие и светлые воспоминания.

Когда-то в начале театральной карьеры Самариной предсказывали участь блестящей комедийной актрисы преимущественно западного репертуара, объясняя это тем, что она – мастер легкого французского диалога. В воспоминаниях и интервью Антонина Николаевна всегда подчеркивала, что ни ее отец, ни она сама никогда не считали ее внешние данные безупречными. Собольщикова-Самарина потому неохотно давал дочери роли «красавиц». (Правда, зрители, судя по письмам, видели в Самариной «королеву».) «В старой театральной провинции Самарину непременно ждали бы по ее внешним данным тесные рамки амплуа “инженю-коклетт”», признавали критики. Но свойственная ей широта натуры и глубина знаний, светлый настрой в творчестве позволили расширить эти узкие рамки.

Вкус актрисе никогда не изменял, и она создала в последние годы интереснейшие образы в спектаклях «Чайка» (Аркадина), «Обрыв» по Гончарову (Бабушка), «Остров Афродиты» А. Парни-са (Глория Петерсон), «Жаркое лето и Берлине» Д. Кьюсак (Анна Мюллер). Особый успех выпал на долю спектакля «Странная мис-сис Сэвидж» Дж. Патрика, в котором Самарина исполняла заглав-ную роль. Спектакль был поставлен в жанре трагикомедии, и это позволяло актрисе выстроить свою роль и двух планах. Она была великолепна в комических сценах и волновала до слез в драмати-ческих.

В 1948 году «за выдающиеся заслуги в области советского ис-кусства» А.Н. Собольщиковой-Самариной было присвоено почет-ное звание заслуженной артистки РСФСР. А через 20 лет, в 1968 году она стала народной артисткой СССР.

«За что мне такое звание? – со свойственной ей скромностью недоумевала Антонина Николаевна. – Я не заслужила... Вот отцу бы его присвоить...»

Вне театра она все время кого-то опекала, кому-то помогала, в ее доме постоянно были люди. Однажды она даже приютила на ночлег восьмерых незнакомых солдат, когда узнала, что им негде было остановиться.

Вокруг Самариной существовала особая аура, которая притягивала к себе самых разных людей. Дружбой с актрисой дорожили и рядовые зрители, и знаменитые деятели искусства, литераторы, ученые. При этом Антонина Николаевна никогда никому не льстила, всегда прямо, и при этом доброжелательно говорила о плохом и с удовольствием подмечала в людях хорошее.

В искусстве она видела свою роль в том, чтобы через своих героинь заставить зрителей задуматься что они делают «правильно и что неправильно в жизни ... Стоит ли так жить, как он жил до сих пор». И это она адресовала в первую очередь молодежи. «Без действительности искусство ничего не стоит... – говорила Антонина Николаевна. – Хочется, чтобы молодежь все это понимала и выбирала правильную дорогу».

Интерес к молодым у Собольщиковой Самариной был не случайным. Даже в преклонном возрасте она никогда не была брюзгой, умела радоваться каждому дню и жить здесь и сейчас.

Как-то в беседе с театральным критиком С. Фих она сказала: «Прошлое неинтересно. Там было много удач, интересных вещей, но меня интересует только настоящее, потому что меня интересует жизненная борьба. ...бороться за искусство, за права искусства в жизни, не жить вчерашним днем».

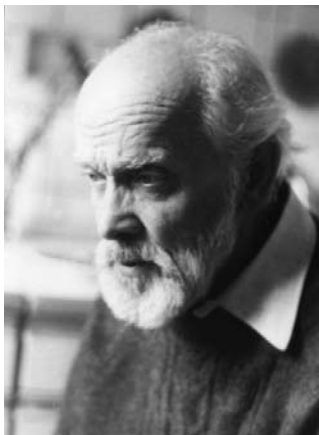
До последних дней своей жизни она постоянно бывала в театре на премьерах, спектаклях.

Когда в июне 1971 года Антонины Николаевны не стало, проститься с любимой актрисой собрался весь город. По завещанию покойной, в тот день не было ни прощальных речей, ни духового оркестра, ни искусственных венков – ничего искусственного Самарина не любила и не выносила фальши.

«... Жизнь у меня была всяческая, и горестей было много, и страданий, – но всегда жизнь была многообразной и интересной», – говорила о себе Антонина Николаевна. А на вопрос «Что Вам помогало переносить горести?» – она отвечала коротко: «Прирожденный оптимизм».

Вацлав Янович ДВОРЖЕЦКИЙ

1910–1993

Можно без всякого преувеличения сказать, что Вацлав Дворжецкий был достопримечательностью города Горького. Им гордились. Еще бы – Дворжецкий снимался в кино, сыграл несколько десятков ролей и был известен на всю страну. Как бы сейчас сказали – звезда! Такая кинокарьера, прямо скажем, была (да и сейчас остается) редкостью для артиста из провинциального города. И хотя артист приехал в Горький уже зрелым – почти пятидесятилетним – человеком, горьковчане сразу признали его за своего земляка, настоящего волжанина. Город любил его за яркие, интересные работы в театре. Голос Вацлава Яновича слышали по местному радио. Дворжецкий играл и в телевизионных спектаклях, снимался во многих телесериалах. В общем, в городе он был всегда на виду. Дворжецкий был видным человеком.

Вацлав Янович приехал в Горький в 1958 году по приглашению театра драмы. Приехал он уже сложившимся мастером, поскольку прежде много лет работал в драматических театрах Омска и Саратова. В Горьком Дворжецкий очень скоро обрел популярность. «На Дворжецкого» стали ходить специально.

Он удивлял зрителей и коллег-актеров огромным диапазоном своих возможностей, разнообразием ролей и невероятной способностью к перевоплощениям – как внутренним, так и внешним. Вацлав Янович, в отличие от многих своих коллег, очень любил создавать, «лепить» сценический образ с помощью сложного, порой причудливого, выразительного грима.

Но главным для него всегда было все-таки внутреннее перевоплощение. У Дворжецкого была необычайно пластичная артистическая натура. Он мог быть бесконечно разным – и на сцене, и в жизни. Но при этом в нем был некий стержень, некая человеческая и профессиональная константа, вокруг которой и объединялось все разнообразие его натуры.

Люди, знавшие его (а нужно заметить, что он был дружен или просто знаком с невероятным количеством самых разных людей), поражались широте его интересов и увлечений. Охота, рыбалка, сад, пчелы, собака, автомобиль, фотография, путешествия... Когда только появились любительские кинокамеры, Дворжецкий тут же начал снимать кино. Любил подводное плавание. По нынешним меркам акваланг и прочее снаряжение были у Вацлава Яновича весьма примитивными. Но дайвером он слыл отчаянным.

Он жил с удовольствием, азартом, интересом. У многих складывалось ощущение, что Дворжецкий идет по жизни играючи, что ему все дается легко и без проблем.

И лишь немногие люди знали, что в судьбе Вацлава Яновича есть тайна, что в его прошлом было немало трагических событий, тяжелых испытаний, что он был репрессирован, прошел через лагерь и тюрьмы.

Впрочем, сам Дворжецкий не делал из своего прошлого тайны. Если спрашивали, рассказывал отдельные факты, вспоминал какие-то детали. А однажды по областному радио он прочитал главы из своей книги «Пути больших этапов». Так о его судьбе узнали все. Тогда, в восьмидесятые и девяностые годы, о сталинских репрессиях стало известно очень многое. На головы людей вылилось море информации о недавнем прошлом страны. Казалось бы, после всего этого, после «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына наступил болевой предел – сильнее и глубже потрясти душу уже невозможно...

Но даже в этом длинном ряду художественных и документальных разоблачений книга Вацлава Дворжецкого взволновала многих. Это была искренняя, эмоциональная исповедь о пережитом, горькая повесть бесконечных страданий и унижений. Но при этом – ироничная, даже веселая, жизнелюбивая, оптимистичная – одним словом, светлая книга.

В.Я. Дворжецкий родился в 1910 году в Киеве. Социальное происхождение – дворянин. Национальность – поляк. Учился в кадетском корпусе, в гимназии, затем – в трудовой школе. В 1926 году стал студентом политехнического института. Параллельно закончил полный курс театральной студии при польском театре. В 1929 году был арестован и осужден «особым совещанием» ОГПУ по ст.58 УК за участие в студенческой организации «Группа освобождения личности» («ГОЛ»).

Несколько месяцев шло следствие. Камера-одиночка, изнурительные допросы, издевательства. Девятнадцатилетний Вацлав даже не сразу понял, за что его арестовали. А когда понял, что следователей интересует «ГОЛ», написал весьма своеобразное признание-объяснение:

«Да – личность! Человек! Его талант, призвание, его ум, красота, все – индивидуально! Нельзя всех стричь под одну гребенку. Долой «прокрустово ложе»! Только свобода личности – путь к максимальному раскрытию человеческих способностей с наибольшей пользой для общества! Вот идея «ГОЛ»...

Все, все подробно писал. Цель была – не скрывать свои идеи и проповедовать Свободу. И декабристов вспомнил, и французскую революцию, и революционеров-демократов, и победу Октября... А рассказывать что-либо о соучастниках, о своих единомышленниках и не намерен...»

Вацлав Дворжецкий был осужден на 10 лет лагерей. Начинаясь новая жизнь, пересылки, этапы... Он строил железную дорогу и Беломорканал, работал на свинцовых и цинковых рудниках, рубил таежный лес. За эти годы ему довелось пройти через разные лагеря ГУЛАГа – Котлас, Пинега, остров Вайгач, Соловки, Медвежьегорск...

«Пятьдесят лет прошло, а все помнится! Закроешь глаза – вот оно все! И запахи. Запахи остались до сих пор. Запах этапа – всей длинной серой колонны – это запах пота, смешанный с запахом серы, навсегда пропитавшим одежду в жарилке, в вошебойке. Запах костра на стоянке, сохнувших портянок, подгоревших валенок... Запах хлеба. Того хлеба! Самый чудесный запах! Этот кусок черной глины жуешь, нюхаешь, вдыхаешь с наслаждением и не торопясь, чтобы полностью впитать этот источник жизни. Вот ощущение, которое запомнилось!»

За эти годы сотни, тысячи людей прошли перед его глазами. Интеллигенция и уголовники, охранники, начальники и работяги... Огромный бурлящий человеческий котел под названием лагерь. К нему нужно приспособиться, притерпеться, чтобы выжить. Но с лагерем нельзя смириться:

«Не дай бог впасть в состояние безнадежности: «Все равно гибель...каторга... отсюда не выйти... все пропало... бесполезно сопротивляться...ничего уже не поможет... конец. И действительно, наступает конец. Человек не умывается, не раздевается, вши его заедают, он избегает работы, чахнет от тоски, ничему не сопротивляется, тихо гибнет, превращается в доходягу. Это, к сожалению, судьба и участь большинства интеллигенции».

Вацлав был из тех, кто не смирился. Что помогало ему выстоять? Его профессия.

«Я – актер. Всегда, везде и во всем – актер. И где бы я ни был, чем бы ни занимался, все окружающее я воспринимал по-особому... На все происходящее со мной я смотрел как бы со стороны. Было страшное любопытство: зачем все это? Что

дальше? Имеет ли это какой-то смысл?... Я испытывал жадное удовольствие и даже наслаждение от возможности участия в этой жизни, от познания окружающей действительности. Конечно, я прекрасно знал и помнил, что нахожусь в заключении, но не это было главным! Удивительно: я в то время не стремился на свободу. Свобода всегда была внутри меня. Я мог внушать себе чувство независимости и свободы».

На острове Вайгач Дворжецкий работал в шахте. Но в первые же дни увидел клуб. И, конечно, тут же зашел. Хор разучивал «Смело, товарищи, в ногу». Через месяц Дворжецкий организовал целую концертную программу – «Живгазету».

«И – пошло! «Парады», «оратории», «концовки», «хоровая декламация», песни, танцы... Восемь часов я, как ненормальный, провожу в клубе. Тексты пишем сами, репетируем новые материалы на местные темы. Наконец, ставим спектакли... Вскоре наш клуб-театр становится подлинным культурным центром, а выступления «Живгазеты» и спектакли исключительно популярными. Их посещали все лагерники без исключения. Другого ведь ничего не было»

Еще в те годы проявилась его способность всегда и во всем находить радость. В каторжных условиях сурового северного острова Вайгач Дворжецкий с упоением занимался геологией. Поскольку с острова не убежишь, охрана там была не столь строгой, как на материке. Дворжецкий уходил с геологами на разведку, собирал образцы породы, составлял топографические карты. Возле одной из безымянных речек он открыл месторождение флюорита (плавикового шпата). И когда сделали общую топографическую карту, эту маленькую речку назвали «речка Дворж». Кстати, именно так – Дворж – его называли позднее коллеги в театре.

Когда Вацлава переводили в другой лагерь, он искренне горевал и прощался с островом Вайгач, как с родным... Но впереди Дворжецкого ждал подарок – «крепостной театр эпохи принудительного труда». С 1933 года Дворжецкому предстояло отбывать срок в карельском городе Медвежьегорске, где был настоящий театр.

«Великолепно оборудована сцена, зал, фойе. И труппа настоящая, профессиональная: директор, главный режиссер, актеры, певцы, музыканты, художники – все заключенные. И зрители

все – заключенные... Хороший был зритель – непосредственный, жадный, голодный до зрелищ, разнообразный и ненасытный. Надо было видеть это «вавилонское столпотворение»! Многие вообще впервые в театре. Все советские республики. Все возрасты. Все статьи Уголовного кодекса».

Казалось бы, артисты имели некоторые послабления. Иногда их освобождали от тяжелых работ на лесоповале или в каменоломнях. Но они тоже работали в неволе, в тюрьме. Их наказывали, сажали в карцер, унижали, убивали.... В сущности, им было ничуть не легче, чем всем остальным.

«Заполярье... К зиме уже перебрались в барак и клуб был готов, но холодно было ужасно. Зрители сидят в бушлатах, в шапках, топают ногами – греются... Слабые лампочки светят робко, как в бане. Давали водевиль. Актриса в открытом платье отморозила соски (нарывы потом были). Температура на сцене до 20 градусов мороза (на улице минус 35 и вьюга). А завтра на работу, в котлован, скалу ковырять, тачки возить».

В 1937 году Вацлава Дворжецкого освободили – но с пометкой «минус 100». Это означало, что он не имеет права жить в крупных городах, уж не говоря о столице. Дворжецкий взял карту Сибири, закрыл глаза, ткнул пальцем и...оказался в Омске. Там он женился на балерине Таисии Рэй. В 1939 году у них родился сын Владислав – будущий известный киноартист. За 5 лет свободной жизни Дворжецкий очень многое успел сделать, сыграть большое количество ролей в театрах Харькова, Таганрога и Омска.

«В Омске ко мне хорошо относились, но... Дружить со мной было непохвально, что ли, не особенно престижно и небезопасно... Про меня все знали. Я не афишировал ничего, но и не скрывал. В анкетах писал правду: «Соц.происхождение – дворянин. Судимость – Особое совещание ОГПУ, статья 58, срок 10 лет. Это тебе не Герой Соц.Труда, не орденоносец, а «недострелянный классовый враг».

В 1941 году Дворжецкого снова арестовали и осудили на 5 лет лагерей – просто за то, что сидел раньше. Он отбывал свой срок в Омском лагере. Работал землекопом, чертежником в мастерской авиаконструктора Туполева. И само собой – стал руководителем «центральной культбригады».

«Острые критические выступления с эстрады (а шутам и комедиантам все дозволено) помогали улучшить питание,

облегчить режим и прочее. Я начисто отключил себя от сознания, что нахожусь в лагере, что я без всякой вины, несправедливо оторван от семьи, лишен свободы, театра... Я жил! Я занимался любимым делом. Я верил, я видел, что мы помогаем преодолевать чувство безнадежности. Мы воодушевляли людей и сами обрели чувство свободы... В культбригаде не было плохих людей... Бывший редактор «Омской правды» (фамилию не помню, обнаружил я его в очередном этапе, больного, опухшего, почти слепого – очки потерял, зубы выбиты, грязный, заросший – кошмар!) – три месяца мы его откармливали, отмывали, лечили, одевали. Отличный журналист!»

Как хотелось бы в этом сборнике процитировать книгу Дворжецкого от первой до последней строчки! Но пришлось ограничиться лишь отдельными фрагментами. К сожалению, сам автор не увидел свою книгу напечатанной. Она была опубликована уже после смерти Вацлава Яновича. Но и сегодня она о многом заставляет задуматься.

«Кончились мои «пути больших этапов». Но я продолжал ощущать нашу жизнь как большой Лагерь, размером со всю нашу страну... И лагерный жаргон, и взаимное недоверие, и нравственный принцип: «Бери все, что плохо лежит» и «Настучи на другого, пока он не успел на тебя настучать». И еще – скотское иждивенчество: «Скажут, что надо; пошлют, куда надо; решат, как надо... Молчи!... В то время, как каждый человек – личность!»

Его освободили в 1946 году – и снова с пометкой «минус 100». Дворжецкий начал работать в Омском драматическом театре, позднее – в Саратовском. В 1956 году с него сняли судимость по второму сроку (кстати, судимость по первому сроку была снята с артиста только в 1992 году).

А в конце 50-х годов Вацлав Янович с женой – режиссером Ривой Яковлевной Левите – перебрался в Горький. Здесь родился их сын Евгений, в будущем – еще один известный и талантливый актер в артистической династии Дворжецких.

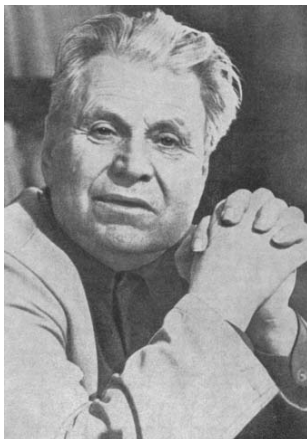
Горький стал для артиста родным городом. И хотя с конца 60-х годов и до самой смерти в 1993 году Вацлав Янович часто уезжал на киносъемки в столицу, у него никогда не возникало мысли перебраться туда на постоянное жительство. В 1970 году режиссер Галина Волчек пригласила Вацлава Яновича сыграть

роль в спектакле «НЛО» театра «Современник». Лестное предложение, но из-за него Дворжецкому приходилось постоянно ездить в Москву, совмещать график съемок в кино с театром. Так продолжалось три сезона. Затем он с облегчением отказался от этой удачной, как все говорили, роли в «Современнике» и занялся своими любимыми делами – рыбалкой, садом... Он и от работы в Горьковском академическом драмтеатре отказался. Ушел на пенсию из театра ровно в 60 лет – как отрезал. И только один раз вернулся в театр, чтобы сыграть в спектакле «Марат-Сад». А вот от кино отказываться не хотел. Продолжал сниматься активно и очень много.

У этого талантливого актера не было никаких наград и званий. И лишь в конце жизни он получил звание народного артиста – сразу, минуя звание заслуженного. Впрочем, Дворжецкий к наградам относился иронически. Когда в Москве в ЦДРИ праздновали присвоение ему звания «Народный артист», Дворжецкий вышел на сцену в костюме Луки из пьесы Горького. Костюм представлял собой живописные лохмотья с нашитыми, и особенно густо – ниже спины, многочисленными почетными грамотами... И хотя Вацлава Яновича не баловали официальными наградами и званиями, у него было главное – звание любимого зрителями артиста.

Его любили не только за талант, эту божью искру, которая вела его по жизни. Любили и за чувство собственного достоинства. За крепкий характер. В последние годы он практически ослеп. Сказались годы в лагерях. Но так же прямо держал спину. Никому не показывал слабости. Не жаловался. До самой старости, до последних дней жизни он был красивым, статным, видным мужчиной. Таким он и остался в памяти у многих горьковчан-нижегородцев.

Николай Иванович КОЧИН

1902–1983

И

жегородская земля подарила России немало талантливых, самобытных писателей. Но далеко не все из них, прославившись на всю страну, оставались жить и работать в Нижнем Новгороде. Николай Иванович Кочин – приятное исключение: его романами «Девки» и «Парни» зачитывался весь Советский Союз, а он до конца жизни оставался верен своей малой родине, писал о земляках, об их буднях, проблемах и удачах.

Николай Иванович Кочин родился в селе Гремячая Поляна Дальнеконстантиновского района. Его дед и бабушка были крепостными потомка графа Орлова, фаворита императрицы Екатерины II. Родители были крестьяне. Детство и юность писателя прошли в деревне, вместе с отцом он пахал, работал на гумне и сенокосе.

О своем детстве писатель вспоминал так: «Рос, как крапива у забора, в ужасающей бедности. На улочке, где я жил, все были бобыли или нищие. Домишки без дворов, без садов, без огородов, близ оврага, куда бросали мусор. И кормилась беднота подаянием или поденщиной. Спали на соломе или лохмотьях, подложив поленья под голову».

Несмотря на бытовые трудности, творческая натура мальчишки берет свое. Лет с семи он начинает сочинять и исполнять частушки под гармонь, потом, когда выучился писать, придумывает стихи и басни.

Николай окончивает сельскую школу, потом, в 1917 году, высшее начальное училище в с. Дальнее Константиново. Осенью 1920 года поступает на филологический факультет Нижегородского пединститута, где запоем начинает читать классиков русской литературы. В институте Николай Кочин выпускает рукописный журнал, в котором статьи, очерки, фельетоны, стихи и другие сочинения были подписаны разными именами и фамилиями. Но все его однокурсники знали: весь журнал – дело рук Николая Кочина. Параллельно Кочин пробует свои силы в «серьезной прозе».

В конце 1924 года и первую половину 1925 года он работает учителем, а затем и завучем в средней школе в г. Павлове-на-Оке. В этом же году в «Комсомольской правде» публикуется его рассказ «В лесах». Вскоре Николай Кочин на три года уезжает учительствовать в Туапсе, где пишет свой первый роман «Девки».

Роман публикуется в московском журнале «Октябрь». Кочин приезжает в столицу, знакомится с московскими литераторами, с членами Союза крестьянских писателей. Особенно близко сходится писатель с Александром Фадеевым, который защищает Николая Кочина от нападков некоторых московских критиков, считавших роман несвоевременным и даже опасным.

Вскоре роман «Девки» выходит отдельной книгой в издательстве «Федерация», после чего еще не раз переиздается. На 26-летнего Николая Кочина обрушивается настоящая писательская слава. Он не останавливается на достигнутом и продолжает писать. Тяга к литературной работе превращается в Кочине в органическую потребность. Он уже не представляет себе жизни вне литературы. Он выписывает множество журналов, постоянно пополняет свою обширную библиотеку, просматривает газеты, делает много вырезок и сортирует их, ведет обширную переписку. В 1928 году публикуются его не менее известные «Записки селькора».

В 1929 году в Нижнем Новгороде закладывается автозавод. Кочин инкогнито устраивается в бригаду, наблюдает за людьми,

изучает жизнь и быт рабочих и пишет роман «Парни» о строителях Горьковского автомобильного завода. В романе писатель, в частности, рассказывает о двух лучших бригадах стройки – Переходникова и Сорокина. Подлинные фамилии бригадиров хорошо знакомы нынешним нижегородцам по названным в честь них улицам.

Н.И. Кочин продолжает много работать, пишет рассказы и повести, печатается в центральных газетах «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», строит планы на будущее. Перед самой войной он становится секретарем Горьковской писательской организации.

С августа 1943 года в жизни писателя начался период, который в советские времена его библиографы и критики уклончиво называли вынужденным перерывом в работе. Тогда по доносу был арестован один из членов Горьковской писательской организации. В сентябре добрались и до Н.И. Кочина. Вместе с писателями П. Штатновым, А. Патреевым и директором областного издательства М. Залесиним Николая Ивановича обвинили в создании контрреволюционной организации и контрреволюционной деятельности, направленной на подрыв и ослабление Советского государства. Через два месяца после непрерывных допросов и издевательств писателю было предъявлено обвинение по статьям 58.10 и 58.11. Далее был суд, по решению которого Николая Ивановича приговорили к 10 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет и с конфискацией имущества. Наказание он отбывал от звонка до звонка сначала в лагерях Сибири, потом Казахстана.

Н.И. Кочин принадлежал к писателям, создающим свои произведения на основе личного житейского опыта. Его повесть «По вольному найму» о лагерном периоде жизни начинается такими словами: «Когда за мной затворились железные ворота каторжного лагеря и я вышел на волю, я был как тот пес, которого держали десять лет в темной конуре, спустили с цепи и вытолкнули со двора. Я растерялся, я отвык ходить за стенами лагеря один: мы ходили пятерками, сцепившись под ручку, не оглядываясь даже по сторонам, где шли большие немецкие овчарки и конвойные с автоматами. Мы шагали в ногу, глядя перед собой идущему в затылок. И вдруг – такая беспомощность: идти без правил,

одному, глядеть куда хочется, делать что хочешь: останавливаться, оборачиваться, даже смеяться... Я стоял за воротами и все не решался отойти от них, мне казалось, что случится несчастье за такое нарушение...»

Можно себе представить, сколько душевных сил понадобилось писателю, чтобы после всего пережитого снова включаться в работу и продолжать активную жизнь.

Как «пораженец», Н.И. Кочин после освобождения не мог проживать в больших городах, поэтому с 1953 по 1955 год он обустроился на Бору. В 1956-м Николай Иванович Кочин был полностью реабилитирован.

Вот что писал о Кочине после заключения Валерий Шамшурин: «Не сломленным, а готовым к действию вернулся Кочин из сибирской ссылки и еще до полной своей реабилитации уверенно принялся за работу, считая необходимым сказать все, что вырывалось наружу. И все же несколько лет ему пришлось адаптироваться, прежде чем он восстановил в себе прежнюю способность владеть словом.

Внешне он выглядел спокойным, благопристойным и даже респектабельным — у него одна за другой переиздавались его книги «Девки», «Юность», «Кулибин», и ему воздавали заслуженные почести, но внутри у него бушевал вулкан. Бывший «воинствующий безбожник», смеявшийся над попами и считавший иконы «обыкновенными досками», он увлекся вопросами веры. А счастье находил в том, что не утратил совести и любил звездное небо над головой — и это было совсем не по Канту, которого Кочин ставил впереди всех философов.

Стареющий, но еще не седой, с отнимающимися после лютых переохлаждений в тюрьме и на каторге ногами писатель трудился с удвоенной энергией. По старой привычке он писал ручкой с пером, макая его в банку с разведенными чернилами и выводя с нажимом на бумаге крупные четкие буквы, свою, только ему присущую вязь, схожую с почерком дореволюционных мастеров, которые не боялись отвечать за каждое свое слово.

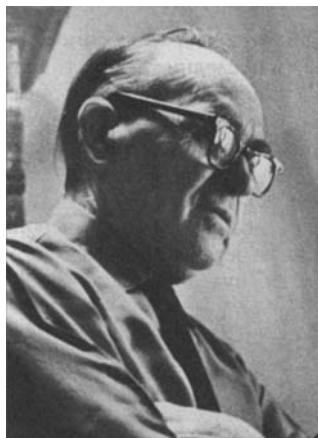
Кочин не дождал до горбачевской «перестройки», но он на себе испытал РАППовскую «перестройку», которая, к счастью, не была воплощена полностью, но все же тлетворным духом своим принесла немалый вред, когда уничтожалась сама русская история

под лозунгом одного крикливого поэта без национальности: «Я предлагаю Минина расплавить, Пожарского...», растаптывались классические традиции, внедрялись вульгаризаторство и нигилизм. Однако в своих тайных записях, ссылаясь на атмосферу 20-х и начала 30-х годов, на беспокойные дни своей писательской деятельности, Николай Иванович точно предугадывал, каким махровым цветом могут расцвести в будущем посеянные антинародными деятелями, презрительно называвшими Россию Расеей, ядовитые семена. Ему не пришлось увидеть этой напасти, но как точно в цель били бессонные его мысли: «40 лет доказывали, что личность в истории роли не играет. А умер Сталин, и стали все гадости приписывать ему, все объяснять его волей, дескать, он сам всю власть забрал и он один за все в ответе». (И это написано при всем неприятии Кочиным Сталина!)

Он ушел из жизни с чистой совестью труженика, вспахавшего свое поле. В ящиках его письменного стола осталось немало исписанных страниц, о которых не ведал никто. Запекшаяся боль была на этих страницах, разящая всякую ложь правда, мудрость высоких истин, раздумья о временах, переходящих одно в другое, чтобы свидетельствовать о бесконечности мятущейся и страдающей жизни, которая все же дает счастье и являет многогранную красоту».

Александр Иванович ПАТРЕЕВ

1900–1974

Не каждому художнику суждено обрести свою тему в творчестве. В произведениях нижегородского писателя Александра Ивановича Патреева современники отмечали особое, авторское видение деревенской жизни. Как и многие герои его романов, А. Патреев провел в деревне детские и юношеские годы и не понаслышке знал, из чего складывалась жизнь в деревне в начале прошлого века. Писатель реалистично описывал непростые судьбы своих героев, показывал их на ходу, в движении, в спорах и поисках. В жизни самому А.И. Патрееву тоже пришлось пройти через немалые трудности и испытания.

Александр Иванович Патреев родился в деревне Мещере Горбатовского уезда Нижегородской губернии в бедной крестьянской семье. Деревенские мужики зимой вили веревки горбатовским купцам. Колесо нехитрого прядильного приспособления крутили ребятишки. Среди них не раз шагал и семилетний Саша Патреев.

О своей родине писатель позднее вспоминал: «Это была серенькая, ничем не примечательная деревенька на горе Крутихе, откуда хорошо виден Горбатов... а левее Акуловой горы – голубая по летам излучина Оки... В ту мальчишескую пору чудилось иногда, что дальше этой речной излучины уже ничего нет, земля там кончается, и пароходы, появляясь нежданно, как во сне или сказке, уходят за Акулову гору в какую-то далекую неведомую страну...»

Школы в деревне не было. Мать выучила Сашу читать по «Псалтири». Пристрастившись к чтению, мальчик начал покупать книги у заезжих тряпичников или выменивал их на какую-нибудь домашнюю утварь.

Когда Александру исполнилось 15 лет, его отправили в Нижний Новгород к деду, работающему стрелочником на Московском вокзале. В феврале 1917 года восхищенный подросток в рядах народной демонстрации вышагивал к стенам Нижегородского кремля.

В 1918 году Александр переехал в Лукоянов к брату матери Ф.И. Никитину. Именно здесь определились литературные склонности будущего писателя. Он поступил в гимназию, эвакуированную из Ревеля в годы Первой мировой войны. Под руководством директора гимназии А.А. Зерчанинова (впоследствии автора популярного учебника по русской литературе) ученики гимназии начали выпускать печатный иллюстрированный литературный журнал «Апофеоз». Типографские расходы взял на себя уездный отдел народного образования, выплачивая владельцу частной типографии пуд ржаной муки за каждый номер. Начиная с 1921 года вышло пять номеров журнала.

Александр Патреев стал одним из редакторов и активных автором «Апофеоза». После гимназии он два с половиной года служил в Красной армии, позднее заведовал сельской школой. В 1927 году поступил в Горьковский педагогический институт. По окончании его в течение ряда лет руководил учебной частью Канавинского вечернего рабочего комбината, готовившего кадры для автозавода, работал редактором в местном издательстве, участвовал в строительстве автозавода.

В 1932 году в Нижнем Новгороде вышел первый сборник рассказов А. Патреева «Крепнут звенья» под псевдонимом А. Мещеряк, потом – очерк о Балахнинском леспромхозе «В зеленых цехах». В 1934 году издательство опубликовало первое крупное произведение писателя – роман «Таблица Крафта», получивший впоследствии название «Глухая рамень». Годы через два в том же издательстве вышел сборник рассказов «Страна родная».

Еще до войны Патреев написал комедию «Строптивное сердце», которая с успехом шла в Горьковском драматическом театре.

К началу 40-х годов писатель закончил свое второе крупное произведение – роман «Инженеры», готовился к печати роман «Богатыри».

Но в 1943 году литературным планам Александра Ивановича Патреева было суждено измениться. Вместе со своими коллегами – писателями Николаем Кочиним, Павлом Штатновым и директором горьковского издательства Михаилом Залесиним он был арестован и осужден по политическим статьям 58.10 ч. 2 и 58.11 на долгие восемь лет исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах на три года. В вину членам Горьковской писательской организации вменялось осуществление контрреволюционной деятельности, направленной на подрыв и ослабление Советского государства. В каких действиях писателя усмотрели органы НКВД столь тяжкие преступления, понять было невозможно. Признание вины из А. Патреева следователи буквально выбивали силой, проводя непрерывные допросы по ночам, угрожая расправой членам семьи, лишая сна и пищи. Но суд состоялся. А.И. Патрееву был зачитан приговор, и началась для писателя совсем другая жизнь, полная лишений и изнурительных каторжных работ.

После возвращения из лагеря Александр Николаевич Патреев добился реабилитации и продолжил работать. Он решил вернуться к своему роману «Инженеры», в котором еще до войны писал о том, как за восемнадцать месяцев на пустыре родился один из первенцев советской индустрии – Горьковский автомобильный завод. Спустя годы А.И. Патреев серьезно переработал свое произведение. В новой редакции автора сюжет романа вышел за рамки узкого семейного конфликта главных героев, став романом-эпопеей о первых строителях ГАЗа.

В течение нескольких лет он много публиковался в центральной и местной прессе с публицистическими статьями, очерками, авторскими размышлениями о жизни.

Павел Петрович ШТАТНОВ

1899–1945 гг.

О нижегородском писателе Павле Шатнове известно не так уж много. А между тем он, в прошлом простой деревенский мальчишка, стоял у истоков создания нижегородской писательской организации, открывал молодые литературные таланты, создав при газете «Молодая рать» (ныне «Ленинская смена») кружок из начинающих поэтов и писателей. Именно П.П. Шатнов разглядел в нехитром стихотворении в сельской стенгазете уникальный талант замечательного русского поэта Бориса Корнилова. Павел Петрович прожил недолгую жизнь, полную трудностей и испытаний. Но его имя и произведения навсегда стали частью истории литературного Нижнего Новгорода.

Павел Петрович Шатнов родился в деревне Черемисское Кстовского района в семье крестьян-середняков. В автобиографии он писал: «Еще в школе я возымел тягу к учебе, но систематически учиться не удавалось». Он окончил сельскую начальную школу и 6 классов Большеельнинского училища.

В 17 лет юноша переехал в Нижний Новгород и поступил конторщиком на завод «Сименс и Гальске» (теперь телевизионный завод им. В.И. Ленина). Там он с восторгом встретил Февральскую революцию. Неумный характер и жажда новых впечатлений привели Павла в партию эсеров, из которой он быстро вышел, вскоре пополнив ряды коммунистов.

В 1919 году П.П. Штатнов окончил в Москве курсы политработников войск внутренней охраны и в составе этих войск принимал активное участие в Гражданской войне на Украине, в ликвидации банд Махно. Через три года после перенесенного тифа Штатнов вернулся в родное село, окончил Мореновскую школу садоводства, был одним из организаторов первых сельских комсомольских ячеек в Нижегородской губернии, работал преподавателем в Мореновской школе крестьянской молодежи.

Под влиянием стремительных событий в стране Павел начал писать стихи. В литературных кругах Нижнего его заметили. В местных газетах и журналах появились первые публикации Штатнова.

С 1925 года будущий писатель начал сотрудничать с газетами «Молодая рать» и «Нижегородская коммуна». Он ездил по деревням, писал очерки о трудовых буднях сельских жителей. По инициативе Павла Петровича при редакции «Молодой рати» был создан литературный кружок из начинающих поэтов и писателей. Из этого кружка отчасти формировалась горьковская литературная организация. Штатнов был одним из первых ее секретарей. Здесь он познакомился со многими писателями-нижегородцами, с которыми впоследствии ему пришлось разделить участь «врага народа».

Прозу Штатнова заметили в Москве, и вскоре в «Комсомольской правде» появилась его публикация. Свои очерки и рассказы П. Штатнов подписывал псевдонимом Марко Поняш. В Нижнем Новгороде того времени это имя было хорошо известно читателям.

В 1928 году Павел Штатнов участвовал в организации колхоза в родном селе Черемисское. В этот период им были написаны рассказы «Операция», «Параскева Пятница» и другие.

В 1929 году на областной литературной конференции П. Штатнов познакомился с Николаем Кочиным, который после романа «Девки» был уже к тому времени известным писателем. Штатнов попросил Кочина прочесть рукопись своего первого романа «Прекрасная жисть». Роман был написан в форме дневника, который вел деревенский мужик-культурник.

Прочитав рукопись, Николай Кочин сказал П. Штатнову: «Роман твой интересен, подлинно художественное произведение, но его вряд ли напечатают, так как он не отвечает политике партии, не подходит под стандарт ее».

Но роман все же был напечатан в московском журнале «Земля Советская».

С 1931 года Павел Штатнов все меньше писал для газет, целиком переключившись на писательскую работу. Вскоре вышла его новая повесть «Комбинированная умница».

П. Штатнов писал о себе: «Я родился и вырос в деревне, по крови – крестьянин. Как писатель, в основном работал на деревенской тематике. Меня близко интересовали судьбы русского крестьянства, по сути, этой темой я жил все время. Русское крестьянство последних 30–35 лет я знал по непосредственным наблюдениям, изучал его жизнь и историю по литературе».

В середине 30-х годов для Павла Штатнова начался период непростых испытаний. В стране проводились массовые политические репрессии. В 1936 году в Нижнем Новгороде был арестован член местной писательской организации А. Костин. П. Штатнов проходил свидетелем по этому делу, за что был поспешно уволен из редакции «Горьковской коммуны». Вскоре его «за пьянство и хулиганское поведение» на год условно исключили из членов писательской организации.

Павел Петрович тяжело переживал эти события, замкнулся в себе, начал отдаляться от коллег. Но работать не прекращал, писал дневники, рассказы.

В середине войны началась «чистка рядов» нижегородских писателей. В июне 1943 года в своей квартире на улице Белинского был арестован и Павел Штатнов. Он проходил по одному делу с Н. Кочиным, А. Патреевым и М. Залесиним, как участник антисоветской группировки в рядах Горьковского союза писателей. В Центральном архиве Нижегородской области хранится 5 томов этого дела.

В постановлении на обыск и арест П.П. Штатнова было написано: «Будучи антисоветски настроенным, в течение ряда лет в окружающей его среде распространял свои антисоветские убеждения, выражался в несогласии с политикой ВКП (б) в области коллективизации нашей страны».

После 4-х месяцев изнурительных допросов и избиений Павел Штатнов был привлечен к ответственности по ст. 58, п. 11 и 58. п. 10, ч. 2 и приговорен к 8 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере.

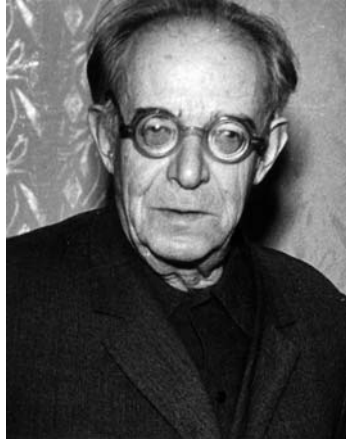
Был реабилитирован посмертно, поскольку от болезни скончался в Буреполомлаге в возрасте 45 лет.

На допросе у следователя писатель Павел Штатнов говорил, что «художник должен быть свободным не только в выборе тем, но и в направлениях, угле зрения на факты и события».

Сегодня эти слова звучат очень современно, даже естественно. Но во времена воспевания коллективизации и индустриальных побед советского народа не должен был так рассуждать настоящий советский писатель, за что П. Штатнов поплатился сполна.

Михаил Маркович ЗАЛЕСИН

1902–1982

В конце 30-х годов прошлого столетия директором Горьковского областного книжного издательства был Михаил Маркович Залесин. Это было время, когда в литературе приветствовались коммунистические лозунги и призывы, авторами созданных на злобу дня произведений воспевались темы индустриализации, коллективизации, победы коммунистических идей. Образованный, хорошо знакомый с классической русской и мировой литературой, на своем посту М.М. Залесин пытался сохранять лучшие литературные традиции. За что и поплатился семью годами пребывания в лагере для политзаключенных, как враг народа и антисоветчик.

Михаил Маркович Залесин родился 15 августа 1902 года на Украине, в небольшом городке Козелец Черниговской области. Семья была небогатой. Отец, Меер Янкелевич, работал преподавателем в религиозной еврейской школе. В детстве Михаил был очень любознательным, много читал. Родители тоже прочили ему будущее религиозного деятеля. Но юный Залесин выбрал совсем иной путь.

С 12 лет Михаил работал в частной портняжной мастерской сначала учеником, потом подмастерьем. Образование получил в начальной школе. Октябрьскую революцию принял безоговорочно. В 17 лет, в 1919 году, вступил в комсомол и стал активным его членом. Год прослужил в Красной армии бойцом связи, в группе

войск Черниговщины. Потом ездил по деревням и селам, помогал убирать урожай, боролся с неграмотностью.

Затем Михаил переехал в Киев, где занимался самообразованием. В зрелые годы он окончил Московский институт красной профессуры, созданный в 1921 году. Это было высшее учебное заведение, которое готовило работников для центральных партийных и государственных органов.

После учебы получил назначение в город Горький. Здесь в 1934 году Михаил Маркович познакомился с Николаем Кочиним, известным автором романа «Девки» и повести «Записки селькора». Они подружились, особенно близко сошлись перед войной, когда М. Залесин был назначен директором Горьковского областного издательства. Несколько лет он также был секретарем партийной организации Горьковского отделения Союза писателей РСФСР.

Печально известная 58-я статья о государственных преступлениях была принята в 1926 году. Осужденные называли ее политической. Был в ней и пункт о недонесении, а наказание по нему – вплоть до расстрела. Известно, что в 30-е годы доносы и оговоры получили широкое распространение и были в качестве одного из достоверных, не требующих тщательной проверки доказательств.

В 1943 году по ложному доносу М. Залесин вместе с нижегородскими писателями Н. Кочиним, П. Штатновым и А. Патреевым были арестованы и осуждены по одному делу № 293, как «участники антисоветской группировки, существовавшей в Горьковском отделении Союза писателей» (из материалов дела № 293.).

Незадолго до ареста, в сентябре 1943 года, Михаила Марковича по приказу ОГИЗа сняли с должности директора областного издательства без объяснения причин. Позднее на одном из допросов М. Залесин скажет, что поводом для увольнения стало то, что в 1942 году он «получил строгий выговор с предупреждением бюро Горьковского обкома ВКП(б) за то, что при печатании в полиграфе доклада Сталина о 25-й годовщине Великой Октябрьской революции в наборном цехе при исправлении корректуры наборщик перепутал две строчки и часть тиража была отпечатана с политическим искажением 2-х абзацев в докладе».

Кроме столь серьезного для того времени политического промаха (как бы не выглядело это сейчас), формальных поводов для

Портрет М.М. Залесина сделан заключенным в концлагере. Потьма, Мордовия 1946 г.

пристального внимания органов госбезопасности к М.М. Залесину было достаточно. В Соединенных Штатах Америки жили его брат и сестра. И даже тот факт, что брат являлся членом коммунистической партии США, во внимание органами не брался.

Кто-то из писателей вспоминал, как часто, будучи еще на посту директора издательства, Михаил Маркович говорил молодым литераторам: «Рисковать надо. И если вы убеждены, то за свои убеждения надо бороться». Когда в издательстве вышли сочинения Короленко, М. Залесин с восхищением говорил: «Короленко писал обо всем так, как ему хотелось изображать жизнь народа; писал о голоде, о Лукоянове, и не боялся идти против правительства. А вы (обращался он к нижегородским писателям. – *Прим. сост.*) всего боитесь – писатели на злобу дня». В то время литература действительно была идиологизирована. Поэты и писатели должны были воспевать новую власть рабочих и крестьян, достижения коммунистической партии. Когда Залесину в очередной раз попадали в руки очерки или романы о доблестных хлебопашцах или ударниках коммунистического труда, он порой жестко отказывался от напечатания подобных произведений, мотивируя это тем, что люди вряд ли будут это читать.

Мог ли, по мнению бдительных сынов советской родины, истинный член партии с 1920 года рассуждать подобным образом? Конечно, нет. В его словах и действиях сотрудники НКВД четко усматривали проведение враждебной работы против партии и советской власти. Видимо опасаясь с его стороны «вражеских» выпадов, в постановлении на его арест следователи сделали небольшую пометку: «Находясь на свободе, может скрыться от суда и следствия».

Но скрыться и избежать участи многих и многих своих сограждан Михаилу Марковичу Залесину не удалось. По статьям 58, п. 10, ч. 2 и 58, п. 11 он был осужден и приговорен к 7 годам

пребывания в исправительно-трудовом лагере в поселке Потьма в Мордовии и к 2 годам поражения в правах. Это означало, что после освобождения ему было запрещено проживать во многих городах страны, в том числе и в г. Горьком.

Поэтому несколько лет М.М. Залесин и Н.И. Кочин жили на Бору. После смерти «отца народов» они были полностью реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления.

Последние годы жизни Михаил Маркович работал в книжном магазине на площади Горького в букинистическом отделе. Принимал на комиссию старинные книги, в которых знал толк.

Родственникам М.М. Залесина запомнилась его встреча с одним из кумиров советской музыкальной эстрады тех лет Вадимом Козиным, приехавшим в мае 1958 года в Горький на гастроли. «Им было что рассказать друг другу о тех «не столь отдаленных» местах», – вспоминает его племянница Елена Зиновьевна Федорович.

Умер Михаил Маркович после тяжелой болезни в 1982 году. Похоронен на Бугровском кладбище. Там же похоронена его жена, которая ждала его все годы изгнания. Детей у них не было.

Федор Васильевич ЖИЖЕНКОВ

1906–1970

В

который уже раз приходится повторять слова А.С. Пушкина о том, что «мы ленивы и нелюбопытны». Мы плохо знаем тех, кто совсем еще недавно определял духовное и нравственное здоровье нижегородцев, не давал им закиснуть в рутине житейских бытовых дел...

Среди таких забытых имен Федор Васильевич Жиженков, который стоял у истоков Нижегородской ассоциации пролетарских писателей, а позднее у истоков областной организации Союза писателей СССР, которая отметила свое 75-летие в 2009 году. Жиженков не успел стать полноправным членом Союза, но успел стать поэтом. Его имя потихоньку обрастало легендами, которые уже становятся фактами литературной жизни Нижегородчины. В недавно вышедшем романе Олега Рябова «КОГИз» вот что рассказывает о Федоре Жиженкове один из героев книги, библиофил Серафим Ильич Богданов:

«Был такой Федор Жиженков – местный поэт средней руки. Вот как писали «купчишка средней руки», так Жиженков – поэтишка средней руки. Но библиотека у него была великая – по сводному каталогу семнадцать с половиной тысяч томов.

Жил он с женой и дочерью в большой двухкомнатной квартире с высоченными потолками: на кухне спали, в комнатах – библиотека. Жили бедно: хлеб да подсолнечное масло, но книги он приносил домой каждый день. Везло ему! Придет вечером, насвистывая, – под мышкой книжечка или стопочка книг, и сразу к себе в комнату,

протиснется между книгами к столу у окна и тут же вписывает приобретение в картотеку. Когда-то книги ставились на стеллажи вдоль стен, потом на пол до потолка – около стеллажей второй ряд образовался, затем – третий – вот и остался узкий проход. Впишет книжки в картотеку и ходит по квартире радостный, что-то напевая, иногда подтянет гири на английских напольных часах: у них из мебели только эти часы были, шикарные Norton, а так все дрянь: стол грязный, стулья да две кровати с никелированными шישками, ну и стеллаж, который за книжками не видно.

Дружил Жиженков до войны с Демьяном Бедным и, когда нуждался в деньгах, брал кое-что из своих книжных редкостей в Москву – Демьян был богатый барин, московский...»

Трудно согласиться с тем, что Жиженков «поэтишка средней руки». Тут уж одно должно быть: или поэт или не поэт? На наш взгляд – поэт, а уж сколько весит его поэтическое слово – вопрос эстетических, вкусовых да и политических, временных пристрастий.

Да и не всегда он ходил, насвистывая, хотя человеком был на редкость общительным, заводным, много знающим. Хватало в его жизни и трудных, переломных моментов, испытаний прочности характера на слом.

Федор Жиженков – коренной нижегородец, очень рано увлекся литературой, немало печатался в местных изданиях (20–40-е годы прошлого века), был частым организатором и участником поэтических вечеров нижегородцев во всех районах города, страстным библиофилом... Своих пристрастий не скрывал, а, наоборот, порой очень активно отстаивал. Наверное, с его легкой руки нижегородские критики упрекали его в увлечении Кипплингом, империалистическими мотивами в его творчестве (диву даешься – откуда что бралось!).

Ведь Федор Васильевич Жиженков, как говаривалось в те времена, был «парнем своим в доску», плоть от плоти народной, из рабочих, не из «бывших». Родился он в 1906 году в Нижнем Новгороде. С 1925 по 1930 год учился в Нижегородском педагогическом институте, потом работал в газетах, школах, издательствах и даже председателем животноводческой артели в Ворошиловском районе г. Горького.

На последнем месте работы он даже угодил под следствие (сгнило сено в лугах, которое было заготовлено для артели).

Вины Жиженкова в этом деле не обнаружилось, но неприятный фактик биографии был зафиксирован органами. Пришлось Жиженкову поучаствовать и в военных кампаниях: советско-польской – освободительный поход на Западную Украину и Белоруссию, советско-финской войне 1939–1940 годов, в Великой Отечественной войне (в 1942–1943 годах он участвовал в боях на Гжатском направлении). В 1943 году после тяжелой контузии и обострившейся болезни глаз освобожден от воинской обязанности. И все эти годы он активно занимается литературной работой, часто публикует в изданиях Горьковской писательской организации стихи на патриотические и антифашистские темы.

С 1943 по 1945 год Федор Жиженков – главный редактор Горьковского облгиза. Но от должности его освободили. Резоны, вероятно, были такие: Жиженков – беспартийный, хотя и грамотный, образованный человек, но лучше доверить этот идеологический пост члену партии. Что и было сделано. К тому же к этому времени стали поступать в компетентные органы «сигналы» на неправильное поведение поэта и его «крамольные» мысли.

Пришлось поменять место работы и стать литературным сотрудником газеты «Ленинец» завода № 197, где на хлеб (про масло и речи нет) заработать было трудно (в описи изъятого при аресте Ф.В. Жиженкова числится хлебная карточка на 500 граммов в день).

8 марта 1945 года (какой подарок жене и дочери писателя!) Федор Жиженков был задержан. Ему предъявили постановление об аресте, в котором ему вменялись в вину следующие высказывания (по словам «свидетелей»).

От 8 августа 1942 года: «...Политика советского правительства привела страну к катастрофе, не подготовила ее к войне с Германией, поэтому СССР терпит поражение, а немецкая армия благодаря подготовленности к войне, ее сильной технике имеет блестящие успехи. Ленин создал Советское государство, а (назвал вождя партии) своей политикой развалил его...»

От февраля 1945 года: «У нас в стране живут только коммунисты, а беспартийным жить невозможно. Если мы это называем социализмом, то что же нас ожидает при коммунизме?»

«...Красная армия освобождает от немцев территории других стран, например, освободила Болгарию, однако болгарскому народу легче от этого не будет, так как там будут организованы колхозы, которые испортят жизнь болгарского народа».

От начала 1945 года: «Жиженков, оставаясь убежденным в своих кулацко-монархических взглядах, считает, что в СССР не разрешен крестьянский вопрос и что колхозы есть не что иное, как барщина и закрепощение крестьян. Жиженков ожидает государственного переворота в СССР. Он считает, что руководящая верхушка военных, имея недовольство к ВКП(б) и советскому правительству и концентрируя власть на решающих участках в своих руках, по окончании войны устроит бонапартистский переворот».

И начались унижительные обыски, допросы (порой ночные), очные ставки, угрозы по отношению к семье, близким, товарищам по литературному труду, библиофилам...

У Федора Жиженкова изъяли 2 мешка рукописей, книги С.Есенина, «Житие преподобного Макария», журналы «Мир Божий», «Опавшие листья» В.Розанова и многое другое. Но все это были «семечки». В разряд антисоветских были записаны работы Н. Бухарина, Г. Зиновьева, Л. Троцкого... А как же – оппортунисты, прямые враги Сталина!

Напрасно тратил силы Ф. Жиженков, пытаясь искренне и подробно объяснить свои историко-филологические изыскания. А тут еще свидетели показывают о том, что была у Ф. Жиженкова потаенная тетрадь – «Интимные стихи». Вот тут-то и разгулялись: фашист, антисоветчик, враг партии и народа. Приплели к делу и стихи 1940 года, с которыми были знакомы и которые одобряли Н.И. Кочин и А.И. Патреев. Но что это были за свидетели? К тому времени они, как враги народа, уже отбывали тяжелые сроки заключения...

Ф.В. Жиженков был осужден (10 мая предъявлено постановление о наказании – 8 лет лагерей особого режима плюс 3 года поражения в правах после освобождения).

Можно только диву даваться – за что? зачем? почему? Но такова была эпоха... Судить сегодня о том, кто был прав или виноват в подобном развитии этого дела как-то неэтично... Мы слишком

мало и плохо знаем реалии той жизни, тем более ее сегодня рисуют предельно однобоко и средства массовой информации, и даже уважаемые официальные органы...

В 1973 году дочь Ф.В. Жиженкова Екатерина написала заявление о реабилитации ее отца (подельник Федора Васильевича был реабилитирован еще ранее – в 1956 году).

Ответ прокуратуры был жестким (к этому времени оттепель закончилась): «Оснований для пересмотра дела нет!»

И только после принятия закона «О реабилитации жертв политических репрессий» Ф.В. Жиженков был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Увы! Справка о его реабилитации лежит в архивном деле. Но мы должны знать о том, что был на Нижегородчине русский поэт Федор Жиженков, оставивший нам свои добрые стихи и песни.

Сергей Михайлович ПОНОМАРЕВ

1945–2005

мая 1991 года в Нижнем Новгороде работает Мемориальный музей А.Д. Сахарова. Местом для музея была выбрана квартира в доме на проспекте Гагарина, где восемь лет находился в ссылке замечательный ученый и великий гражданин – Андрей Дмитриевич Сахаров. Одним из основателей музея и первым его директором был филолог и общественный деятель Сергей Михайлович Пономарев. Он был одним из тех, кого в 60-е годы ушедшего века называли диссидентами. Будучи студентом историко-филологического факультета Горьковского университета, 20-летний Сергей уже тогда ратовал за свободу слова, с жадностью цитируя своим однокашникам запрещенных тогда Солженицина, Пастернака, Шаламова, Ахматову, Цветаеву. Вместе с друзьями он самиздатовским способом тиражировал «Раковый корпус», «В круге первом», уже тогда осознавая значение правды в литературе и в жизни.

Сергей Михайлович Пономарев родился в послевоенном Ленинграде. В те годы редкой семьи не коснулись сталинские репрессии. Но говорить об этом открыто было не принято. Однажды, когда Сергей был еще учеником начальной школы, к ним домой приехала странная женщина – бедно одетая, в морщинах и на костылях. Это была жена его двоюродного деда Матильда Степановна Сенцова. Она недавно вышла из лагеря, где сидела с 1939 года сразу после ареста и расстрела мужа, видного партийного работника М.К. Сенцова. Двое их маленьких детей были отправлены в детдома, где

детям врагов народа обычно меняли фамилии. После освобождения тетушка так и не смогла их разыскать.

«Я занимался своими делами, – позднее вспоминал о визите тети Сергей Михайлович, – а за столом неторопливо шла беседа. Матильда тихим ровным голосом что-то рассказывала моей бабке и отцу. Я не очень вслушивался и не всё понимал, но вдруг меня насторожила одна фраза: «Миша (мой отец), я ведь сидела с женой Калинина, Молотова и другими». Калинина я хорошо знал (по фотографиям), ведь он был такой добрый, худенький, в очках и с острой бородкой. «Что-то здесь не так», – подумал я и очень заинтересовался дальнейшим рассказом».

Возможно, тогда и зародилось в душе Пономарева желание докопаться до истины, понять – почему на фоне бравых лозунгов о достижениях социализма у людей существовала другая жизнь, полная отнюдь не радужных воспоминаний.

В 1956 году страну всколыхнул XX съезд коммунистической партии с первыми публичными разоблачениями «культы личности». Пионеру Сереже Пономареву было тогда 11 лет.

«Начинали выходить воспоминания, мемуары старых большевиков, военачальников, прошедших сталинские застенки, и обычных людей, чудом оставшихся в живых. Все это шло с недомолвками, оглядками, даже полуправдой, но будило мысль и пристрастное отношение к недавней истории», – писал Пономарев в своей книге «Когда мы были молоды».

После окончания школы Сергей много читал и размышлял, стараясь общаться с интересными людьми. В то время он занимался в литературном объединении Б.Е. Пильника в Доме ученых, в рамках которого проводились поэтические вечера, споры, организовывались поездки по Нижегородской области. Тогда Сергей Пономарев впервые познакомился с запрещенными или попросту не издаваемыми поэтами и писателями.

В 1962 году С. Пономарев стал студентом историко-филологического факультета Горьковского университета. В журнале «Новый мир» вышла повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Раздобыв нужный номер журнала, восторженный юноша носился по факультету и предлагал знакомым на одну ночь взять прочитать повесть.

После снятия Н.С. Хрущева времена изменились и «Один день...» стали негласно изымать из библиотек. В спорах и обсуждениях по

этому поводу среди группы студентов истфила, в числе которой был Сергей Пономарев, родилась идея «самиздата».

До 1964 года «самиздатовские» книжки на истфиле ходили достаточно открыто и свободно. Юные «издатели» перепечатывали преимущественно литературные произведения, хотя была и публицистика, и какие-то архивные материалы. Печатали А. Солженицына и трактат А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», уже облетевший западную прессу.

Будучи еще студентом ГГУ, С. Пономарев женится на своей однокурснице Елене. Вскоре у них родилась дочь. После окончания вуза супруги Пономаревы по распределению уехали преподавать русский язык, литературу и историю в Борисово-Покровское Дальнеконстантиновского района. Село было всего в 40 км от Горького, так что Сергею Пономареву ничто не мешало продолжать общение с друзьями и коллегами по «самиздату» Владимиром Жильцовым, Михаилом Капрановым, Владленом Павленковым и другими.

На встречах самиздатовцы бурно обсуждали московские события, связанные с арестом писателей А. Синявского и Ю. Даниэля, под псевдонимами опубликовавших за границей свои литературные произведения без разрешения властей. По этому же делу были арестованы еще четверо москвичей. Возмущенный Сергей Пономарев написал письмо от имени 23 нижегородцев-интеллигентов в ЦК КПСС, желая доказать, что в Горьком тоже есть люди, думающие вразрез с официозом. Письмо начиналось словами:

«За последнее время усилилась новая волна зажима, гнусных репрессий и даже закрытых судов, проводимых органами КГБ, против любого проявления свободомыслия, расходящегося хотя бы в частностях с официальной идеологией. Люди, подвергшиеся гонениям, хотят одного: правдивого освещения жизни нашей страны и ее истории. Единственное их желание – честное служение Родине и нетерпимость к бюрократии, хамству и лжи».

А заканчивалось требованием «немедленного пересмотра решения суда (по делу арестованных москвичей. – *Прим. сост.*) при соблюдении всех принципов советского законодательства». «Мы требуем суда открытого, при полной его гласности, в присутствии корреспон-

дентов и международных наблюдателей. Мы требуем государственного контроля над КГБ и прекращения беззаконий с его стороны».

Вот так, прямо и по-юношески безапелляционно.

Официальной реакции на требования «нижегородцев-интеллигентов», конечно, не было. Но под наблюдение КГБ протестующие попали.

Дальше было больше. Вздурораженные подавлением беспорядков в Чехословакии, друзья издали листовку, в которой требовали свободы политических союзов и организаций, амнистии политзаключенным, отмены цензуры и опубликования архивных документов 30–50-х годов. С. Пономарев предложил подписать документ словом «Обновление», «чтобы думали, что есть организация».

По факту распространения листовок в горьковских вузах, принесенных в КГБ сознательными студентами, в 1968 году органами госбезопасности было возбуждено уголовное дело.

Тем временем кончился учебный год, и супруги Пономаревы перебрались в Горький, устроились на работу в редакцию многотиражки завода «Двигатель революции».

Чтение и распространение «самиздата» продолжалось. По случаю друзья приобрели пишущую машинку, начали подумывать о печатном станке. Но не успели.

3 июня 1969 года в Ленинграде во время командировки от заводской многотиражки Сергей Пономарев был арестован. В этом же году были арестованы его соратники В. Жильцов, М. Капранов и В. Павленков. Основанием для ареста были факты распространения запрещенной литературы и тех самых листовок «Обновления».

Сергей Пономарев был осужден по статье 70 ч.1 УК РСФСР и приговорен к 5 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима. После ареста мужа Елену Пономареву, оставшуюся с маленькой дочкой на руках, в экстренном порядке уволили по сокращению штатов. С большим трудом она вновь смогла найти себе работу.

Всех четверых участников «университетского дела» разбросали по разным лагерям.

После освобождения Сергей Михайлович Пономарев вернулся в Горький. В 1974 году бывшему политзаключенному,

С. Пономарев и В. Жильцов после освобождения

филологу по специальности, устроиться на работу было очень сложно. И Пономарев вместе с Жильцовым разносил почту, работал на стройке разнорабочим. Потом была работа лектором-искусствоведом в Художественном фонде, сопредседательство в Нижегородском обществе жертв политических репрессий, которое занималось восстановлением прав репрессированных нижегородцев, установлением памятных знаков в честь сгинувших в сталинских лагерях.

В начале 90-х возникла идея организовать музей А.Д. Сахарова в квартире на проспекте Гагарина, где академик 8 лет прожил в ссылке. Встал вопрос о том, кто будет директором нового музея. Возникла кандидатура С.М. Пономарева. Ее утвердили, и началась кропотливая работа по сбору информации и созданию музейной экспозиции. Вместе с другими членами Нижегородского общества жертв политических репрессий Сергей Михайлович встречался в Москве с А.Д. Сахаровым и его женой Еленой Боннер, которая изначально была категорически против возникновения такого музея в нашем городе.

Но 18 мая 1991 года Мемориальный музей А.Д. Сахарова в Нижнем Новгороде был открыт и работает по сей день.

В предисловии к книге С.Пономарева «Когда мы были молоды» директор Музея Н.А. Добролюбова В.Терехов, в свое время

давший С.М. Пономареву рекомендацию, писал о нем: «Я доволен, что первым директором музея А.Д. Сахарова стал мой сверстник, мой однокашник по истфаку Горьковского университета, бывший зэк, который своим поступком в далеком уже 1968 году дал право мне и многим из нашего поколения гордиться, что и среди нас были те, кто не только языком молол, но и мог «выйти на площадь», совершить поступок во утверждение своих убеждений».

Александр Николаевич ЮРКОВ

На Большой Покровке с внутренней стороны одного из особняков есть дверь, над которой висит маленькая картонная табличка с надписью «Художник». Уже 11 лет за этой дверью находится уникальная в своем роде галерея флорийской мозаики «Юрковка». Ее создатель и автор собранных в ней необычных работ – художник Александр Николаевич Юрков. Сегодня «Юрковка» стала визитной карточкой мастера и известна далеко за пределами нашей страны. Мозаики А.Н. Юркова, выполненные из листьев без единого мазка краски, пользуются большой популярностью у французов, китайцев, немцев.

А начиналось все в далекие 1930-е годы в глухом таежном поселке Сухой Лог Томской области, куда были сосланы его родители.

Случилось так, что отец будущего художника Николай Павлович Юрков унаследовал от отца и деда большое хозяйство: водяную мельницу, пасеку, землю и домашний скот. Жили они на заимке в большом селе в Хакасской области, где до сих пор среди местных жителей можно услышать: Юрковские покосы, Юрковская гора. Работать приходилось много. В 30-е годы началась волна раскулачивания. У Николая Юркова уже была семья: жена и двое ребятишек. Как вредителей нового строя, Юрковых лишили всего имущества и вместе со многими «кулаками» сослали в тайгу на болота. Там, в Сухом Логе, 10 апреля 1935 года родился маленький Саша. Его

отец, привыкший к ежедневной работе, и в ссылке успел многое сделать. Вместе с другими ссыльными они осушали болота и практически на пустом месте построили четыре завода: пихтоваренный, дегтярный, смолокурный и кирпичный. Мастерили лыжи, сани, колеса, драли бересту, делали деготь и отправляли в другие области. Всего за несколько лет в поселке появилось три новых улицы с хорошими домами. Живущие в тех краях старoverы помогли ссыльным с семенами и рассадой. В каждом доме было свое хозяйство, огороды.

*Семья Юрковых
до рождения Александра*

Но в 1937-м Николая Юркова вместе с остальными мужчинами арестовали и отправили в Севдвинлаг, откуда ему уже не суждено было вернуться живым. В поселке под охраной комендатуры остались одни женщины с детьми на руках – без документов и паспортов, без права выезда. Саше тогда было всего 2 года.

Через несколько лет арестовали его 16-летнего старшего брата Владислава – по разнарядке, чтобы не вздумал мстить за отца. Освободившись, брат сумел уехать из Сухого Лога на прииски, получил там паспорт и решил вернуться за матерью с младшими братьями и сестрами. Но семье «врага народа» по-прежнему нельзя было покидать поселок. Тогда Юрковы решили бежать. Они запрягли в телегу свою корову, погрузили вещи и отправились в путь. Первый побег обернулся неудачей и болезнью матери.

Спустя некоторое время Юрковым все же удалось нелегально уехать в Красноярск, где жил мамин брат Данила. Вычислив «беглецов», власти снова арестовали мать и старшего брата. Младшую сестру взяли родственники, старшая училась в Томске, а 14-летний Саша болтался по Красноярску, с интересом разглядывая дома и людей. Однажды он оказался возле художественного музея. Ему очень хотелось попасть внутрь, и он пристроился к группе школьников. В последний момент учительница, сопровождавшая

ребят, заметила чужого ребенка и преградила ему путь в музей. Охранник музея сжалился над расстроенным подростком и пропустил его.

Саша с восторгом разглядывал картины. Когда-то к ним в Сухой Лог приезжал ссыльный художник. Он рисовал портреты детей репрессированных и переправлял их к отцам в лагерь. Когда очередь дошла до маленького Саши, ссыльный сказал матери, что сын у нее будет художником. Почему он сделал такой вывод, что сумел разглядеть в мальчишке, не понимал тогда никто. Но с тех пор мысль стать художником Александра Юркова не покидала.

В музее он впервые увидел картину Василия Сурикова «Милосердный самарянин», которая потрясла его. Он спросил у смотрительницы, где у них здесь учат на художников. Женщина рассказала про художественную школу на улице Ленина. Саша, не раздумывая, отправился туда. В одном из кабинетов он нашел директора и спросил, как попасть в школу. Директор ответил:

– Пожалуйста. К августу принесешь свои рисунки, там и посмотрим, стоит ли тебе учиться.

– А что рисовать-то? – спросил Саша.

– А где ты живешь? – с улыбкой поинтересовался директор.

Саша назвал место.

– Вот и нарисуй его. Хочешь, свои рваные ботинки рисуй. Главное, чтобы с натуры было. Срисовывать ничего не надо.

К тому времени Зинаиду Ивановну Юркову снова выпустили из тюрьмы. Видя увлечение среднего сына, она всячески старалась ему помогать. Когда-то давно в ее родном поселке строили церковь. Помогая церковникам на стройке, она научилась особым способом пережигать уголь и теперь также делала это для сына. Вместо альбомных листов в ход шла оберточная бумага, в качестве дополнительных красок использовались мел, свекла и другие природные подручные средства.

Александр Николаевич с улыбкой вспоминает тот памятный день, когда он пришел поступать в Красноярскую художественную школу им. Сурикова.

«Целый сверток своих рисунков веровочкой перевязал и отправился. Вхожу, а там повсюду мужики с картинами в рамках ходят, говорят о художниках, о колорите. Стою я среди них, как сиротка, и думаю: зачем приехал? Надо бы куда-нибудь сунуть

этот сверток да и ехать отсюда, чтобы не позориться. Смотрю – памятник Сурикову стоит. Ну-ка, думаю, суну за него, все не тащить обратно. На мое счастье мимо проходил директор.

– Пришел? – говорит. – Что у тебя там?

Я протягиваю ему сверток и бормочу под нос.

– Да плохо это все, тут вон какие художники.

– Мы еще посмотрим, какие они художники. Давай, пошли.

Взял он мои рисунки и пошел. Я – за ним. Стою, жду под дверью, где комиссия заседает. Тут он меня вызывает.

– Юрков, ну-ка заходи сюда.

Я зашел. Члены комиссии мои рисунки на полу раскидали, брусиком заложили и спрашивают.

– Где уголь покупаешь?

– Уголь чо-ли покупают? – удивился я. – Мне мама пережигает.

– А кто – мама?

– Да неграмотная.

Достаю коробочку и протягиваю им.

– Вот уголь мой».

Александра приняли. На второй год его учебы в школу из Красноярского театра пришел зав. живописным цехом Александр Кондратьевич Курбасов в поисках ученика художника (тогда во всех цехах были свои ученики). В числе других директор показал ему работы юного Юркова. Курбасов остановил свой выбор на нем.

Так в жизнь Александра Николаевича Юркова на долгие годы вошел театр. Работу в театральном цеху удавалось совмещать с учебой в художественной школе. После ее окончания Александр уехал из Красноярска и поступил в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. Но профессиональное театральное образование он получил не в Ленинграде, а в том же Красноярске, вернувшись и поступив сразу на 3-й курс в училище искусств.

Потом была работа в разных театрах России. За сорок с лишним лет Александр Николаевич освоил практически все театральные профессии: был и актером, и режиссером, и декоратором, и художником-постановщиком. На его счету более 200 авторских сценографических проектов в драматических театрах Красноярска, Канска, Краснодара, Майкопа, Караганды, Пскова, Томска, Арзамаса, Ленинграда и Москвы.

В 1976 году в Москве Юрков познакомился с режиссером Горьковского театра драмы А. Тумиловичем. Тот утвердил эскизы художника для одного из своих спектаклей и пригласил Юркова поработать в г. Горьком (так в те годы назывался Нижний Новгород). С тех пор Александр Николаевич больше не покидал нашего города. До 1986 года он проработал главным художником Горьковского академического театра драмы им. М. Горького. Правда, в официальных документах у его должности всегда было приписано: «и. о.». В те годы не мог беспартийный, к тому же еще и из семьи репрессированных, Юрков полноправно числиться «главным». Но возможность реализовывать свои творческие идеи была, что для настоящего художника всегда гораздо важнее.

Однажды Александру Николаевичу нужно было придумать декорации к спектаклю Веры Пановой «Верность» о женщине и ее любви. Нужны были особые декорации, с грустинкой, теплые, мягкие. И он сделал эскиз из листьев: не выпирали краски, не бил цвет, только теплый природный материал, создававший особую атмосферу. На худсовете эскиз утвердили.

Надо сказать, что театральные художники второй половины XX века обладали особым даром находить такие зрительные образы, через которые можно было завуалировано, иносказательно передать замысел автора и режиссера. Привычка и особое мастерство театрального художника находить нестандартные ходы и решения для воплощения своих и чужих творческих замыслов со временем привели А.Н. Юркова к особой технике выполнения картин – технике «флорийской мозаики».

Будучи председателем секции театральных художников, А.Н. Юрков организовал выставку работ своих коллег, сделанных вне театра. Она так и называлась «Театральный художник вне театра». Кто-то резьбой по дереву занимался, кто-то живописью. Юрков выбрал технику флорийской мозаики и сделал к выставке 45 работ. К удивлению художника картины привлекли к себе особое внимание посетителей.

С этого все и началось. Со временем Юрков изучил свой природный материал, понял, как ему надо дать выцвести, выгореть, чтобы он вел себя на уровне темперы или гуаши. Несмотря на весьма трудоемкий процесс, в год Александр Николаевич успевает сделать до 28 работ. Внимательно разглядывая эти чудо-

картины, практически каждый посетитель «Юрковки» в изумлении спрашивает у художника: неужели он совсем не пользуется красками. «В том-то весь и фокус, – с улыбкой отвечает Александр Николаевич, – что все естественно, я никогда и нечего не подкрашиваю. Использую только чистый природный цвет, который остается в конечном итоге у листьев и трав. Это – самый доступный материал. Он всегда есть и всегда будет».

Владимир Иванович ЖИЛЬЦОВ

Об известном нижегородском поэте, члене Союза писателей России, председателе правления Нижегородской областной организации Союза писателей России, Владимире Ивановиче Жильцове его друг, журналист, и публицист Александр Пашков, как-то написал: «Прожитого им с лихвой хватит на длиннющий телесериал. За время, когда он с печатью диссидента, проставленной КГБ, вынужден был находиться в тени, Владимир Иванович несколько не растерял ни энергии, ни мужества, ни интереса к жизни. Начиная с 90-х годов, он проделал огромную работу. Был депутатом областного Совета депутатов трудящихся. Был одним из первых журналистов областной газеты «Нижегородские новости». Был одним из первых организаторов региональной православной печати. Все эти годы прошли в очень активном содружестве с когортой нынешних нижегородских литераторов. Его попечительство, вступительные статьи к книгам, редакторство ряда сборников, консультации, встречи на поэтических вечерах, участие в литературных семинарах – это важная работа, часть литературного дела, которое создает сегодняшнюю культурную ауру Нижнего».

Владимир Иванович Жильцов родился в 1946 году в поселке Пителино Рязанской области. Его отец, Иван Дмитриевич Жильцов, был чекистом. Как-то раз по разнарядке в кратчайшие сроки нужно было выявить определенное количество врагов народа. И.Д. Жильцов немедленно отрапортовал, что на территории его района таковых не имеется. Пришлось искупать свою политическую

близорукость – за непослушание он был отправлен командовать штрафной ротой.

У Владимира с детства начали проявляться поэтические наклонности. Сам он говорит о себе так: «Стихи начал писать из-за мальчишеской зависти. В 1958 году (золотой осенью) пришел ко мне мой товарищ Геннадий Грязнов и потряс тем, что прочитал написанные им стихи. Заело... К тому же душа томилась чем-то невыразимо осенним! С тех пор (с переменным успехом) пишу».

Владимир с золотой медалью окончил школу в Елатье, потом переехал в г. Горький и стал студентом историко-филологического факультета Горьковского университета. На истфиле его хорошо знали и ценили за искренность, доброжелательность и стихи. В середине 60-х годов прошлого века этот факультет славился своими вольными, свободолобивыми настроениями среди студентов и некоторых преподавателей. Был среди них и Владимир Жильцов. Молодые, горячие, страстно жаждущие правды и справедливости, друзья ночами читали и обсуждали «самиздатовские» сборники с произведениями Солженицына, Ахматовой, Шаламова, Пастернака, Цветаевой. Молодежь часто собиралась в комнате В. Жильцова в общежитии. Молодым студентам хотелось, чтобы настоящую литературу смогло прочесть как можно большее число людей. Было решено самим заняться самиздатом. Деньги на покупку печатной машинки собирали по частям, Жильцов для этой цели отправился сдавать кровь. Машинку купили, самиздатовская типография заработала.

Естественно, это не осталось без внимания КГБ, и в 1969 году Владимира Жильцова вместе с четырьмя его друзьями – Сергеем Пономаревым, Михаилом Капрановым и Владленом Павленковым – арестовали по политическим статьям 70 и 72 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Вот как об этом периоде жизни Владимира Жильцова пишет А.Н. Пашков, тоже выпускник истфила тех лет: «Его арестовали в день рождения Пушкина – 6 июня. Попросили «пройти» прямо из больничной палаты, где с ногой, плотно обвернутой в гипс – итог футбольного сражения, – он уже несколько дней лежал на койке. Но чекисты торопились. Им предстояло раскрыть небывалое дело – мощную антисоветскую организацию и здесь уж было не до сантиментов и жалостей. Впрочем, последние качества в органах

никогда особенно и не ценились. С одной стороны, «мощь», несомненно, была. Я помню историко-филологический факультет тех лет, сам был студентом его. Спорили о сталинизме, о социализме с человеческим лицом, о продуктивности или нет монополизма одной партии. У нас, филологов, почти у каждого заветные тетрадки – выписки и перепечатки из Цветаевой, Мандельштама, Пастернака. На семинарах по литературе XX века обязательно какой-нибудь «тихий» вопрос: «А когда начнут переиздавать Гумилева?» Наверное, они там в своих штабах и отделах по борьбе решили, что такое без подрывной деятельности ну никак невозможно. И круто взялись, да скоро растерялись. Выяснилось, что за обезвреженной антисоветской организацией нет никаких собственно дел. Вернее, 50 штук листовок, протестующих против известных событий в Чехословакии, они все-таки по городу развесили. Но доказать это было трудно, свидетелей не нашлось, поэтому чекисты попросили новоявленных антисоветчиков рассказать все как на духу, как отцам родным, что и как они понимают в окружающей их жизни. Мальчишки по сути, да еще настроенные патриотично, с горячечной верой в то, что не социализм надо отменять, а устаревшие догмы его, они выдали все от души. А потом сполна выдали им самим.

В Мордовии были зоны, где отбывали сроки осужденные по политическим статьям. Здесь В.И. Жильцов и прошел свои настоящие университеты, познакомился с такими людьми и судьбами, о которых можно признаться только некрасовской строкой – «да разве об этом расскажешь». Зоны, на которых побывали Володя Жильцов, ныне к великому сожалению покойный Сережа Пономарев и их товарищи, были, по сути, инкубаторами диссидентства. Попадали туда то ли по недоразумению, то ли от излишней бдительности органов, то ли от полнейшей дряблости и беспомощности власти организовать интеллектуальный диалог и очиститься от догматизма, скрутившего страну по рукам и ногам. А вот выходили оттуда...

Как-то осужденного Владимира Жильцова отобрали в маленькую группку и поручили им ударную работу: надо было разобрать, перебрать старенький автобус, чтобы потом он гонял, как новый. Специалисты нашлись, и работа закипела. В. Жильцов, числившийся в подсобниках, все старался подбодрить основную рабочую силу и шутить почаще. Однажды, когда работа была уже готова, он, оглядев автобус

и видневшиеся невдалеке ворота с охранниками, так мечтательно произнес: «Ну что, братва, на полном ходу – и вперед». Ребята кисло улыбнулись. А какой-то бдительный чекист после этой реплики на личном деле осужденного крупными буквами красными чернилами начертал: «Склонен к побегу». И вот бывают же такие метаморфозы, чекист этот оказался очень даже прав.

Свой побег в великую державу русского стиха Владимир Жильцов замыслил давно, не знаю точно даже когда. Но отчетливо помню, что в конце 60-х мне на нашем истфиле кто-то протянул замусоленную тетрадку со стихами и доверительно шепнул, что это Жильцов из такой-то группы. Потом целый вечер я не мог оторваться от нее. В молодых и неровных стихах угадывалась всепокоряющая искренность и чистота, которую по старокнижному называли горним воздухом. Что было бы дальше – не знаю, но Володя «пошел по этапу», где, по-моему, каждую свободную минуту жил стихами. Я знаю единственного человека в Нижнем, да что там в Нижнем – вообще, среди всех известных мне, который может часами (без преувеличения!) читать наизусть Мандельштама, Есенина, Бунина – весь Серебряный век. Там, в заключении, у него появлялись и свои стихи, которые он заучивал наизусть особо – а вдруг не удастся переписать. Там же появились и первые слушатели, и первые ценители его поэзии. Там же случился и один удивительнейший акт. Чтобы рассказать о нем, придется немножко припомнить историю.

Была у Велимира Хлебникова одна потрясающая поэтическая вещь. Он придумал Правительство земного шара. Оно должно было объединить поэтов разных стран и привести мир к радости и гармонии.

«Товарищи рабочие! Не сетуйте на нас:
Мы, как рабочие-зодчие,
Идем особой дорогой, к общей цели.
Мы – особый род оружия».

В. Хлебников и его друзья понимали, по-моему, утопичность своих поэтических снов, но сердцу не прикажешь. Однажды Велимир проехал по Питеру на автомобиле, на борту которого мелом было написано «Председатель земного шара». Художник П.Лентурн зарисовал поэта на смертном одре 28 июня 1922 года и сделал запись о смерти В.Хлебникова, к которой приложил рисунок гроба, на котором было написано: «Первый

Председатель Земного Шара». Мечта-идея В. Хлебникова и после смерти его не ушла, она осталась как поэтическая игра, как знак верности особой цели свыше, которой и призвана служить поэзия. Конечно, в советские времена всяким утопиям, кроме коммунистической, советская власть положила конец. Но где-то в литературных неформальных кружках идея жила.

Сидел на зоне ленинградец Михаил Борисович Коносов – писатель, критик, поэт, дважды вышибленный из Литературного института, и такой острый на язычок, что даже Евтушенко он высказал в свое время такое, что мало не показалось. Вот именно Михаил Борисович обратил внимание на стихи Жильцова. Слушал он слушал, а потом и сказал: «А ведь ты – наш. И председателей земного шара я сейчас, наверное, последний – 8-й... А ты будешь следующий, 9-й». Это и случилось в 1971 году на зоне, в Мордовии, близ Потьмы.

Эпизод вроде бы совсем шутейный, если бы ни одна жизненная, да и поэтическая тоже, установка Владимира Ивановича. Помыкался он после лагеря изрядно. Семья образовалась большая. А работать брали – или на почту, телеграммы разносить, или на стройку, там всегда рабочие руки нужны. Стихи же жили в душе и писались. И не об обидах, незаслуженно понесенных, не о всякой там ерунде, нет, а как бы заново, как никто-никто до него, открывая мир. В свои «поэтические» годы Владимир Иванович вырос до поэта высокой души, с поразительной ясностью и умелостью творящей свой луч жизни и надежды от земных пределов к горним (опять разрешу себе это слово). В лучших своих стихах поэт В. Жильцов умеет почувствовать животворящее озарение, «в область которого я могу заглянуть лишь на минуту» (Лев Толстой) и которое обязательно примирит нас с природой, с миром, со всем малым, что называется просто повседневная жизнь.

Такой он и есть, Владимир Иванович Жильцов. Среди поэтов – отмеченный удивительным знаком мечтателей-утопистов начала XX века. Среди нас – поэт классической культуры стиха, так современно и бережно раскрывающий великие пространства нравственного и всякого другого космоса, ниспосланник человеку. Может быть, у утопий свой путь? Или просто жить по добру, не изменяя добру. Так только и могут настоящие поэты».

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

**Александр
ПАТРЕЕВ****На дармовщинку**
(отрывок)

...В этот год, как и прежде, Павел Иванович Бердников готовился к ярмарке неумолимо. Выходец из деревни Ермаки (поэтому, видно, и звали его Паша Ермаковский), он отличался необычайной ловкостью, бесстрашием истинного скряги и еще тем, что понимал в лесном деле толк. Он умел покупать делянки выгодно и еще выгоднее сбывать товар с рук. С тех пор как он обзавелся леском и на нем вырос, удача не подвела его ни разу. Иногда он бывал свидетелем, как в торговой горячей сутолоке молодые дельцы ловко обделывали стариков, умевших только крестики ставить вместо подписи, глядел и не удивлялся.

– Прямьей века не изживешь, – внушил он себе при этом.

Быв мужиком, он не боялся тяжелой работы и много раз вместе с плотовщиками гнал по реке Вае «свои дровишки», – так называл он плоты. В домотканых штанах, засученных до колен, босой, в посконной рубахе, рваном пиджачишке и бурой шляпе, он бегал с шестом в руках, суетился, кричал на измученных людей, уставал сам и только поздним вечером, помолившись на восток, укладывался спать в шалаше на солому. Иногда ночью, когда проплывали по опасным речным изгибам, его будили, и он вел плоты сам.

Дело с каждым годом ширилось, капитал его рос, и в эту весну у него было связано уже сорок плотов, а в подполе зарыто пятьдесят тысяч золотом и тридцать насчитывалось в обороте. Ему определенно везло – ни разу за всю жизнь не ограбили его, ни разу он не терял денег, никогда не обсчитывал себя. В долг давать не любил, но и сам одолжался редко.

«Зачем себя покою лишать, – говаривал он и себе и людям. – Дал вон Пузикову всего пять тыщенок, – так и сейчас не вернул, дери его горой. Два года терплю, а он и в ус не дует. Не иначе, дураком меня считает».

Нередко к нему за помощью обращались настоятели скитов, попы, прося пожертвовать «на божье дело», но он одинаково всем отказывал:

– И рад бы помочь, да нечем. Дровишками торгую, совсем стали плохи дела. Воюет Россия на наши деньги... вот и обедняли мы.

...Плоты уже третий день плыли по Ветлуге и Вае, а Павел Иваныч, проведив их, лежал па печи, отдыхая; ходил по двору, подолгу стоял в огороде, лежал на соломе в телеге, довольно щурясь от весеннего жаркого солнца и поглаживая бороду. Плотовщики были всё опытный, бывалый народ, каждый сплав «сидели на своих харчах», и хозяину нечего беспокоиться ни о сохранности плотов, ни о доставке хлеба своим работникам.

Нынче баба его истопила баню, припасла посконную рубаху, окрашенную корьем дуба, и сказала:

– Иди помойся... Целый месяц не был. Негоже ехать, не мывшись-то.

Собираясь в дорогу, он намазал сапоги топленным салом, чтобы не промокали, прождал еще два дня, пока впитается сало, и утром спозаранья вышел из дому – в поношенном пиджаке, в той же бурой шляпе и с подожком через плечо, на котором висела сумка с черным хлебом и куском говядины.

Он шел пешком, перебираясь через ручьи, через залитые водой овражки, ночевал в деревнях у незнакомых людей, и его поили чаем, как странника. К вечеру другого дня он был уже в Воскресенском, а оттуда по веснам ходили небольшие пароходы.

По мутной лесной реке шумит колесами пароход. По берегу тянутся леса, перемежаясь полями, серенькими селеньями с колокольнями, поднимающимися над старыми обомшелыми крышами, и опять леса, леса, местами подступающие к самой воде. Завидев пристань, пароход дудит тоненько и жалобно.

Пассажиры с мешками, корзинами, детьми лезут с пристани, наперебой занимают места, а там и без того лежат и сидят вповалку, кому где пришлось; молодая женщина перевортывает в пеленки ребенка, она задыхается от прокуренного махрой воздуха и то и дело кашляет; рядом с ней дремлет ее муж, уткнувшись головой ей под локоть.

В уголке между грязных бочек со скипидаром спит старик в высоких, пропитанных салом сапогах, подтянув колени к подбородку. Плач ребенка, вонь от пеленок, от корзин с курами, от уборной, которая отсюда близко, не мешают ему; он не избалован, и ему все равно, где ни спать.

Вдруг он вздрогнул, вскинул голову, схватился за сапоги – очевидно, ему показалось, что его разувает воры. Но тут же успокоился: сапоги были на нем. Все те же люди сидели подле, у крана умывался знакомый боцман.

Было уже утро. Голубой от табачного дыма сноп света просунулся в окно с воли и уперся в бочки, где сидел старик. Он разулся и, сунув палец в петли голенищ, босиком пошагал по грязному, замусоренному полу к умывальнику.

– Паренек почтенный, умыться тутотка можно? – кротко спросил он матроса.

– Валяй, – ответил тот. – Для того и умывальник.

Красным платком старик вытер лицо, перекрестился, взглянув на восток, и пошел к буфету.

Купленную за три копейки воблину и ломоть хлеба он утаскивает к бочкам и ест, разрезав воблину на три части: голову – на завтрак, хвост – на ужин, середку – на обед. С удовольствием грызет он рыбью голову, обсасывает кости и запивает сырой водой из железной кружки, которую взял с собой в дорогу: Священным Писанием воспрещено староверу «вкушать из одной чаши с иноверцами».

Издали наблюдает за ним матрос и потом подходит к боцману.

– Это кто? – спрашивает он. – Малость на Пашу Ермаковского смахивает. Не он, случаем?

– Кой воблину жрет?

– Да.

– Самый он и есть... в натуральности. От бедного мужика никакой отлички не имеет, а денег – куры не клюют. Слышал ли? Вот попади к такому в руки – обгложет так, что один шкилет от тебя останется. ...

**Николай
КОЧИН**

Зашитые

Когда нас бьют ногами,
Пинают небосвод,
У нас под сапогами Вселенная орет.

Андрей Вознесенский

Они были арестованы в 1937 году в разное время, но этапированы вместе. После тяжелой подследственной тюрьмы, изуверенные, голодные и обобранные в камерах урками, они еще мучались целый месяц в столыпинском вагоне, по тридцать человек в купе. Не только лежать, но и стоять там места не хватало. И когда в окошечко им бросали хлебные пайки, передние ловили все, а задним не доставалось. От недоедания, от недосыпания задние падали прямо под ноги передних и их незаметно затапывали. На станциях всегда приходила охрана и осведомлялась, сколько затоптанных. Мертвых тут же выбрасывали. Из двухсот человек этой партии политических в распред прибыло только двадцать. После карантина и прожарки одежды их отправили на таежный участок, на лесоповал. Пригнали ночью. Они повалились кто куда. Когда утром проснулись, то увидели себя в полутемной промозглой землянке, посредине которой стояла развалившаяся печка с котлом; два тусклых окошка, заткнутые тряпками, под самым потолком, еле пропускали жидкий свет.

Люди вповалку лежали на сплошных нарах из неотесанных еловых бревен.

Землянка была огорожена колючей проволокой, и со всех сторон обступила ее тайга, загораживавшая солнце. За проволокой стояла огромная деревянная изба, в ней жила охрана. Вот и все. Никто не знал в этом загоне, где юг и где север. Царило молчание, тяжелое, как на похоронах. Чрезмерное горе подавляет нашу душу и стесняет ее проявления. Всякая страсть, которая оставляет место для размышления, не есть сильная страсть.

Люди еще в расприде разузнали, что всяк попавший сюда обречен на смерть, потому что никто не был способен сделать выработку (в кубометрах на человека), чтобы получить хлебный паек. Но это никого из начальства не печалило. И лагерь, и расприд были переполнены людьми. Иногда лагеря отказывались от рабочей силы, которую торопился сбить с рук расприд, вынужденный освобождать бараки для новых этапников, ибо из Центральной России шли и шли новые партии заключенных – беспрерывно, одна за другой.

Все они были горожане, никогда не знавшие, что такое рубка леса, не видевшие ни пилы, ни топора. Редкий из них по малосилью и изнурению мог поднять топор. Еду им привозили из лагпункта. И пока везли, хлеб и баланда замерзали. Никто здесь не знал, что такое горячая пища.

Утром, чуть свет, их погнали в лес. Они еще могли двигаться по проторенной тропе, но когда подошли к деревьям, очутились в сугробах, увязли в них по брюхо и просидели весь день в снегу без дела. Одежка была рваная, валенки сырые, без носков, некоторые были в кожаной обуви, спустя часы они уже были с отмороженными ногами и лежали простуженные в горячке.

На следующий день повторилось то же самое. Количество больных увеличилось. Когда в очередной раз пришел конвой, то больные потребовали врача.

– Ишь ты, чего захотели, – усмехнулся конвоир. – Не на курорт приехали! Выходи без разговору и все по пяткам стройся.

– Врача! – закричали все. – Врача или объявляется забастовка.

– Шалишь, кума, не с той ноги плясать пошла, – сказал конвоир. – Эй, бригадир! Ты, видать, грамотный, читай на стене.

На прокопченной стене, под самым потолком висел выцветший плакат со знакомыми словами: «Если враг не сдается, его уничтожают!»

И ниже были различимы дыры от пуль. Предыдущую партию здесь расстреливали прямо в землянке.

На стене также было выцарапано гвоздем: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

– Вот вам врач, исцелитель, – усмехнулся охранник, указывая на плакат. – А бунтовать станете, вам рты зашьем и в расход...

Когда охранник ушел, бригадир запер дверь изнутри и предложил обсудить вопрос. Вопрос оказался ясным для всех: или медленная, мучительная и позорная смерть, или скорая и достойная коммунистов, ибо здесь были только коммунисты с самыми большими сроками. Надеяться было не на что. Все прибывшие сюда погибали. Не слышно было, чтобы кому-нибудь довелось выйти на волю. Решили никого не неволить, кто хочет остаться жить – пусть живет.

Бригадир предложил голодовку и никаких сношений с администрацией. Чтобы предохранить себя от малодушия и не идти на попятную, решено было зашить всем рты. Бригадир стал опрашивать каждого.

– Профессор Плетнев. Ваше слово.

– Я осужден на двадцать лет, друзья мои. Мне сейчас седьмой десяток. Два года меня мучили в застенках, чтобы я подписал протокол, что был участником отравления Горького. Я выдержал, не налгал на себя. Мне выбили зубы, поломали ребра. Я – полупокойник. Никто раньше смерти не может быть назван счастливым. Я согласен умереть.

– Полковник Васильев, прошу.

– Профессору, братан, повезло. Помогла, может быть, старость или мировая известность. И пытали профессора кустарно, грубо, по-русски. Это можно вынести. Но я не мог. Мне сфабриковали дело, что я был шпионом семи государств. Если я не подпишу этого, заявили мне, то на моих глазах изнасилуют дочь и жену. Так случилось со многими. И я подписал. Может быть, я ошибся. Но смерть я рассматриваю, как единственное средство избавиться от своего позора... и позора моей Родины.

– Секретарь обкома Гинзбург Лазарь! Говори.

– Я, товарищи, право не знаю, что мне инкриминировали. Нас сразу, весь обком, осудили целым списком. Ни суда, ни следствия не было. Мне дали двадцать лет. Истина пока не имеет тех сил, чтобы исправить ложь. Я все обдумал. Пришла в мир сила татарско-византийская, давящая и уродующая человека. Малейшая неосторожность: улыбка, смех, жест – всякий, большой ли или самый маленький в стране, становится ее жертвой. Обманывать себя, идеализируя эту татарщину, можно только до тех пор, пока

знаешь о ней понаслышке. Но тот, кто однажды побывал в ее железных лапах (я сидел в Бутырках), тот навсегда утратит вкус к самообольщениям. Джугашвили – деспот, каких мир еще не знал. Я коммунист, я знаю силу убеждения. Всякое убеждение может быть достаточно сильным, чтобы заставить отстаивать его ценой жизни. Я присоединяюсь к предыдущим. Убеждение мне говорит, что нет, совершенно нет никакого иного выхода.

Все были с ним согласны. Зашивать рты – не было новинкой в лагерях при объявленных голодовках. Нашлись игла, суровые нитки и сапожник, который искусно зашил рты каждому. К вечеру вся бригада молча лежала на нарах. Привезенные хлеб и баланда лежали у дверей землянки, никто их не трогал.

Утром следующего дня сорвали дверь с петель, и в землянку ворвалась вооруженная охрана. Командир охраны объявил:

– Внимание! Бригадиру приказываю от имени начальника лагпункта сейчас же раздать бригаде хлеб. После еды немедленно построиться шеренгами в зоне.

Никто ни слова.

Командир охраны выпалил все угрожающие слова, совершенно непечатные, и когда запас этих слов израсходовался, он не мог решить, что делать дальше. Пообещал еще посадить всех в карцер и прибавить лагерный срок. И ушел разъяренным.

В полдень в сопровождении охранников приехал сам начальник лагеря, грузный мужчина в шубе романовской дубки и в пыжиковой шапке-ушанке. Он был из тех штрафных работников НКВД, которых посылали в сибирскую глушь, чтобы они усердно выжимали пот и кровь из заключенных. Тут требовался действительно редкий характер, привычка к садизму и абсолютная атрофия совести.

Начальник был мастером утонченных истязаний, привык к большим масштабам и строптивость одной бригады считал сущим пустяком.

Спокойным, но властным голосом он вызвал бригадира. Бригадир не отозвался. Начальник приказал всей бригаде подняться с нар. Бригада не поднялась. Начальник сел на печку и пальцем указал командиру охраны на лежащих. Тот принялся методично пинать каждого подряд. Бригада не шелохнулась. Командир велел своим охранникам бить строптивцев шомполами.

Ни звука, ни стопа.

Только тупое месиво хлибало, да звенел шомпол, если ударялся о нары.

Охранники устали и остановились.

– Бейте их прикладами, – сказал командир, искоса поглядывая на начальника, – скорее очухаются.

Он суетился больше всех и воодушевлял каждого.

Охранники стали бить заключенных прикладами и опять никого не смогли поднять.

– Крепче бейте! – закричал в исступлении командир. Ему было стыдно перед начальником, что он ничего не может сделать с безоружными. – Смертным боем бейте!.. Бейте гадов, фашистов, врагов народа! Что вы точно чешете им спины. Бейте в самые вредные места.

Охранники били, делали передышку и опять принимались бить. Вдруг один из них сказал:

– Товарищ старшина, мне чудится, у них рты зашитые. Клянусь честью...

Старшина подошел к начальнику лагеря и виновато объяснил:

– Это, товарищ начальник, сплошная контра. Им хоть кол на голове теши, а на своем поставят. Особливо, ежели из образованных, которые именуют себя большевиками. Прошлой зимой я одному велел в воду лезть. Водопровод лопнул, из канала вода бьет фонтаном, а он, представь себе, торгуетса: сапоги теплые, видите ли, ему нужны, в валенках негоже. Я говорю: «Лезь!», а он свое долдонит. Я дуло приставил. «Ах, ты меня смертью пугать, – говорит, – так смотри, слизняк». Взял топор и тут же на моих глазах левую руку оттяпал. Вот какой народ несогласный!.. Эти тоже такие, я их насквозь вижу. Сколько хлопот с ними! Совсем извольничались при советской власти. Извольте сами взглянуть.

Начальник приблизился к крайнему, ткнул зажженной спичкой в лицо и матерно выругался:

– Подлецы, никакого благородства! Гады ползучие! Позвать лепилу. Ну, живо!

Погнали на рысях за лекпомом. Лекпом, тоже зек, трясаясь от испуга, при свете свечи извлек скальпель и приготовился расшивать рты. Он разглядел одного, разглядел другого, разглядел

третьего. Потом отошел в сторону и, стуча зубами, дрожащим голосом сказал:

– Г... г.. гражданин начальник, тут совершенно бесполезное дело. Они все убитые до смерти.

– Выразаться точнее, балда! – начальник в остервенении ткнул локтю кулаком в лоб. – Составляй акт... Как там у вас?.. Скончались от сердечной недостаточности. Понятно тебе или повторить? Чтобы все было в ажуре.

– Будет, все будет, как надо, гражданин начальник. Вот как перед Богом...

И лепила вместе с охраной целый день составлял акты на списание бригады.

Из карманов трупов повыгрузили зажигалки, фотографии жен, кисеты с табаком, кой-какие деньги, письма от родных. Фотографии и письма охрана порвала, деньги присвоила, табак искурила.

А трупы повытаскивали из землянки за ноги волоком и сложили в высокую поленницу под могучим кедром, за зоной, как это делали всегда. Тут трупы остывали и промерзали целую неделю. Когда они окончательно промерзли, их навалом побросали в сани и свалили в овраг. Там их обглодали таежные звери. А весной обглоданные кости заросли высокой, сочной, буйной сибирской травой.

Борис КОРНИЛОВ

*Памятник Б. Корнилову
в г. Семенов*

* * *

В Нижнем Новгороде с откоса
чайки падают на пески,
все девчонки гуляют без спроса
и совсем пропадают с тоски.

Пахнет липой, сиренью и мятой,
небывалый слепит колорит,
парни ходят – картуз помятый,
папироска во рту горит.

Вот повеяло песней далёкой,
ненадолго почудилось всем,
что увидят глаза с поволокой,
позабывшие всеми совсем.

Эти вовсе без края просторы,
где горит палисадник любой,
Нижний Новгород, Дятловы горы,
Ночью сумрак чуть-чуть голубой.

Влажным ветром пахнуло немного,
лёгким дымом, травую сырой,
снова Волга идёт, как дорога,
вся покачиваясь под горой.

Снова тронутый радостью долгой,
я пою, что спокойствие – прах,
что высокие звёзды над Волгой
тоже гаснут на первых порах.

Что напрасно, забытая рано,
хороша, молода, весела,
как в несбыточной песне, Татьяна
в Нижнем Новгороде жила.

Вот опять на песках, на паромах
ночь огромная залегла,
дует запахом чахлах черёмух,
налетающим из-за угла,

тянет дождиком, рваную тучей
обволакивает зарю, –
я с тобою на всякий случай
ровным голосом говорю.

Наши разные разговоры,
наши песенки вперебой.
Нижний Новгород, Дятловы горы,
Ночью сумрак чуть-чуть голубой.

Песня о встречном

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Весёлому пенью гудка?

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

И радость поёт, не скончая,
И песня навстречу идёт,
И люди смеются, встречая,
И встречное солнце встаёт –

Горячее и бравое,
Бодрит меня.
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

Бригада нас встретит работой,
И ты улыбнёшься друзьям,
С которыми труд, и забота,
И встречный, и жизнь – пополам.

За Нарвскую заставою,
В громах, в огнях,
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

И с ней до победного края
Ты, молодость наша, пройдёшь,
Покуда не выйдет вторая
Навстречу тебе молодёжь.

И в жизнь вбежит оравую,
Отцов сменя.
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

...И радость никак не запрятать,
Когда барабанщики бьют:
За нами идут октябрюта,
Картавые песни поют.

Отважные, картавые,
Идут, звеня.
Страна встаёт со славою
На встречу дня!

Такою прекрасною речью
О правде своей заяви.
Мы жизни выходим навстречу,
Навстречу труду и любви!

Любить грешно ль, кудрявая,
Когда, звеня,
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

1932

Ёлка

Рябины пламенные грозди,
и ветра голубого вой,
и небо в золотой коросте
над неприкрытой головой.

И ничего –
ни зла, ни грусти.
Я в мире темном и пустом,
лишь хрустнут под ногою грозди,
чуть-чуть прикрытые листом.

Здесь все рассудку незнакомо,
здесь делай все – хоть не дыши,
здесь ни завета,
ни закона,
ни заповеди,
ни души.

Сюда – как бы всего к истоку,
здесь пухлым елкам нет числа.
Как много их...
Но тут же сбоку
еще одна произросла,
еще младенец двухнедельный,
он по колено в землю врыт,
уже с иголочки,
нательной
зеленой шубкою покрыт.

Так и течет, шумя плечами,
пошатываясь... ну, живи,
расти, не думая ночами
о гибели и о любви,
что где-то смерть,

кого-то гонят,
что слезы льются в тишине
и кто-то на воде не тонет
и не сгорает на огне.

Живи –
и не горюй,
не сетуй,
а я подумаю в пути:
быть может, легче жизни этой
мне, дорогая, не найти.

А я пророс огнем и злобой,
посыпан пеплом и золой, –
широколобий,
низколобий,
набитый песней и хулой.

Ходил на праздник я престольный,
гармонь надев через плечо,
с такую песней непристойной,
что Богу было горячо.

Меня ни разу не встречали
заботой друга и жены –
так без тоски и без печали
уйду из этой тишины.

Уйду из этой жизни прошлой,
веселой злобы не тая, –
и в землю втоптана подошвой –
как елка – молодость моя.

**Владимир
ЖИЛЬЦОВ**

Майские ночи

Всю ночь старики ворочались,
Ругали минувшего промахи.
Весна улыбалась в очи им,
Душил аромат черемухи.
Кряхтели, притворно разбужены,
Тапки ногою нашаривая,
На тропки, годами закруженные,
Гнала их ночная испарина.
Турлыкали смерды болотные,
Скользила сова под облаком.
Стояли деды бесплотные
В белых, как смерть, исподниках.
Кто знает, о чем они думали,
Свой век вороша невесело...
Жизнь прокатилась шумная,
Разного накуролесила.
И вроде бы чаша не минула,
И вроде бы налито по уши
За землю отечески милую
И вражьей, и собственной кровушки.
Светила звезда дебая,
Венерою нарекаемая,
Но... никакого дела ей
До этих душ неприкаянных.
Всю ночь старики покачивали
Звезды в глазах своих тонущих.
И вечность глядела незрячая,
Не обещая помощи.

Политлагерь ЖХ-385/17. Мордовия. 1972

Подсолнух

В Нижнем граде, на ярмарке пышной,
Где сплошная бетонная гладь,
У железной ограды, в затишье,
Мне подсолнух пришлось повстречать.
Вмиг покинули тяжкие мысли,
На душе сразу стало легко...
И хотелось шершавые листья
Благодарною гладить рукой.
Ах, подсолнух!
В торгашеском гаме
Не за нас ли так борется он,
Как зубами, вгрызаясь корнями,
В неуступчивый, жесткий бетон.
Что ж мы жизнь,
Греховодники, кроем?
Зло презрев, нужно сметь и дерзать
И заимствовать слабой душою
Эту силу и гордую стать.
Чтобы каждый из нас был не промах
В затянувшейся смуте времен
И упрям, словно дерзкий подсолнух,
Одолевший неволи бетон.

* * *

Город Нижний шутя позабыл,
Заиграл в суматошной забаве
Юных дней моих праведный пыл,
Что угас в поединках без правил.
Усмехайся,
Но знай, что во мне
Общей доли горячая малость...
Потому-то в твоей седине
И моя неслучайность осталась.

* * *

И в непогоду лес люблю,
А гриб любой беру с поклоном.
Хоть дождь, как баба во хмелю,
Ведет себя бесцеремонно.
Цепляя нагло за рукав,
С размаха хлещут лапы елей...
И тянут тучи свысока
Завесы хмурой канители.
Течет с небес. Озноб волной
За ворот льет с промокших листьев...
Прекрасен дождик обложной,
Он душу грешную очистит.
От чепухи, От суеты,
От невозможности быть нежным,
Чтоб вновь омытые мечты
Тебе дарили безмятежность.

Павел
ШТАТНОВ

Шершень и пчелы

Басня

Шершень – одна из самых крупных европейских ос.
Мерой против шершней является уничтожение их гнезд.

(Большая советская энциклопедия. Т. 62)

В дупле осины шершень жил.
Охотясь в местах знакомых,
Всю жизнь свою тянул из жил
Он кровь у разных насекомых.
От мяса жужелиц и мух
Весь пропитался жгучим ядом.
Нажрется. Сядет. Бредит вслух,
Окрестность озирая взглядом:
„Я не простой. Я – шершень-гений,
Я создан для великих дел.
Поставлю всех я на колени,
Господство – это мой удел.
Под солнцем помни, листик каждый:
Я жажду мяса, крови жажду”.

Года он жил в дупле гнилом,
Свершал набеги по квартирам.
Тут возомнил себя орлом
И вздумал царствовать над миром.
Он как-то в полдень созвал ос
И речь такую произнес:
– Тут недалеко, вон за долом,
С восточной красной стороны
Живут у нас в соседстве пчелы.
И медом ульи там полны.
Хотите вкусного?
За мной

Пойдемте. Грозною войной
Охватим сразу мы страну –
И пчелы будут все в плену.
Тех пчел мы обратим в рабов,
Заставим на себя трудиться.
Из желтых восковых горшков
Мед сладкий в рот нам будет литься.
И круглый год осиною расе
Не будет недостатка в мясе:
Не хочешь сладенькой росы,
Схватил пчелу – ее соси.

Про ос идет по миру весть
(В ней только правда говорится):
Оса сырое мясо ест,
Как кровожадная тигрица.
Оса характером – шакал.
На легких крылышках – гиена.

И только шершень замолчал,
Все прожужжали: „Непременно
Пошли на бой! Пошли на бой!”
И над пчелиною страной
Раздался вдруг осиный вой.

Летит, кружит за рядом ряд,
От гула тучи задрожали.
Готовят осы страшный яд
В своем осином остром жале.
И все готовятся к обеду
Отпраздновать свою победу.
Но плохо сделали расчет, –
Мед к осам что-то не течет.

Поднялся ввысь пчелиный рой,
На ос обрушился лавиной.
И завязался грозный бой!

И в час от армии осиною
Остались жалкие клочки:
Легли на землю крылья, лапки,
Как бурей сбитые сучки,
Как мокрые гнилые тряпки.
От кровожадного шершня
Осталась только лишь клешня.
На рубеже страны пчелиной
Нашел могильный он покой...

* * *

Со всею армией осиною
И Гитлер от судьбы такой
Не отвертится, не уйдет.
Советский трудовой народ
В боях свою покажет силу
И вгонит кол в его могилу.

**Федор
ЖИЖЕНКОВ****Кисет**

Ярко-алый мягкий бархат,
У ребят такого нет,—
Вот какой моя сударка
Подарила мне кисет.

Как дарила, говорила,
Что кисет алей зари.
– Голубочек мой, Гаврила
Николаевич, бери.

Насыпай табак моршанский
И спеши на смертный бой;
За колхозный люд крестьянский,
За рабочий мир постой.

Провожала, плечи жала
И глядела мне в глаза,
При разлуке набежала
Горькой жалости слеза.

При разлуке только руки
Сжались крепче и плотней.
Обещался я подруге,
Клялся родине своей:

За потоптанные нивы
На обугленной земле
Бить фашистов в хвост и гриву,
Верной пули не жалеть.

На кисете три пометки:
„Помни лапушку свою”.
Я храню кисет в разведке,
Берегу его в бою.

Как закурим с другом трубки,
Трубки полные огня,
Вспомню розовые губки,
Расставанье у плетня.

Стременами звякнут кони,
Спрячу бархатный кисет.
На врага рванем в погоню, –
И врагу отхода нет.

Наши шашки рубят ловко,
Брыжжет вражья кровь-руда,
Наши тульские винтовки
Бьют без промаха всегда.

В боевой дороге длинной,
Средь лишений и побед,
Я до самого Берлина
Донесу ее кисет.
Если ж смерть меня ударит
И закроет вольный свет,
Я скажу: – Возьми, товарищ,
Замечательный кисет.

До моей родной станицы
После грозных дней дойди
И с девчонкой у криницы,
Где сидел я, посиди.

Расскажи ей, как сражался
И о ней гуторил как,
Что навеки там остался
Удалой ее казак.
И в трепещущие руки,
Чтоб хранила много лет,
Положи моей подруге
Замечательный кисет.

**Сергей
ПОНОМАРЕВ**

* * *

Что крепче держит нас,
Любовь или привычка,
Я не задумывался, милая, пока
Не стала для меня
Привычной злая кличка –
Одно на всех прозвание – «З/К».

Ей мало кто сейчас
Гордится на свободе.
А здесь, среди сплошных решеток и замков,
С тобой не говорят,
Здесь грубый окрик в моде:
«За спину руки, зэк Пономарев!»

И только по ночам
Никто не потревожит,
Без страха приходи, побудь со мною вновь.
Ты помнишь каждый день,
Что вместе нами прожит,
И отличишь привычку и любовь.

Я все переживу,
Сломить меня не просто,
Ты силы мне даешь, тоскуешь, ждешь меня,
Я верую. И вновь
Необычайно остро,
Познав твою любовь, живу любя.

Горький, тюрьма. 1969 год, ноябрь

* * *

Окно отворяется настужь
за долгих полгода впервые,
и сразу влетает в квартиру
немолкнувший улицы шум.
Искрятся восторженным счастьем
глаза твои золотые,
и песни весеннему миру
невольно приходят на ум.

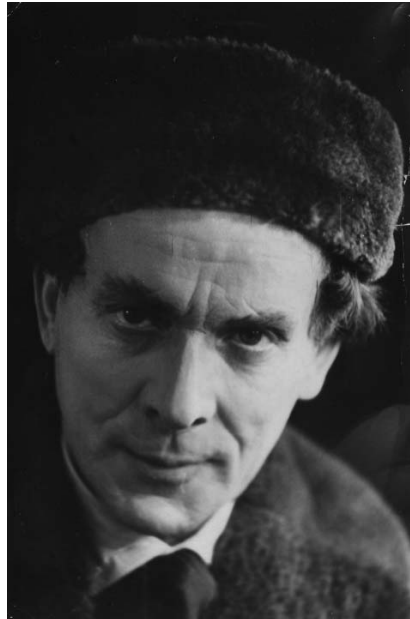
Ты слушаешь долго и жадно,
как день зарождается новый.
А я, зачарованный сказкой,
смотрю на тебя сквозь года.
Ты будешь всё так же желанна
и девочкой-недотрогой,
заманчивой и прекрасной,
останешься навсегда.

1970 год, апрель

Вацлав
ДВОРЖЕЦКИЙ

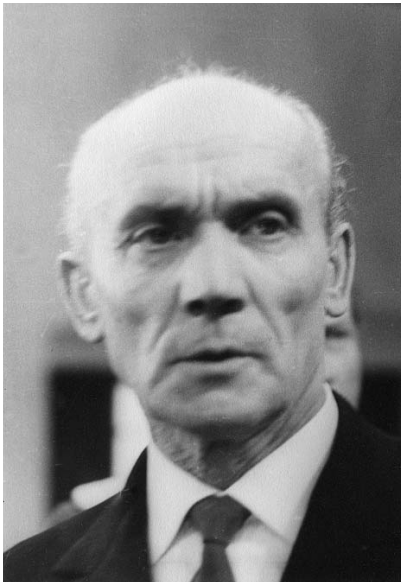

Бекингем

*Александр Блок в спектакле
Горьковского театра драмы «Вьюга»*

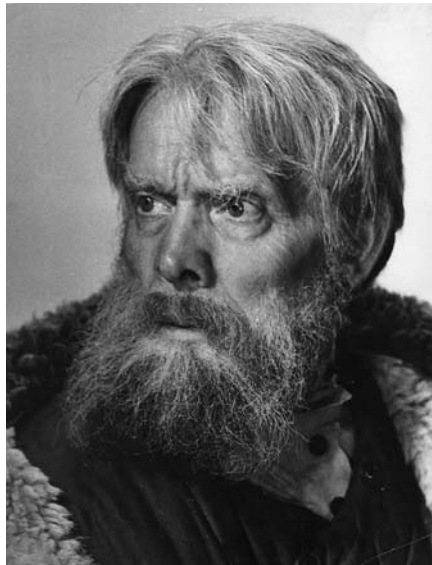
*Дубравин
в спектакле
Б. Ромашова
«Огненный мост»*

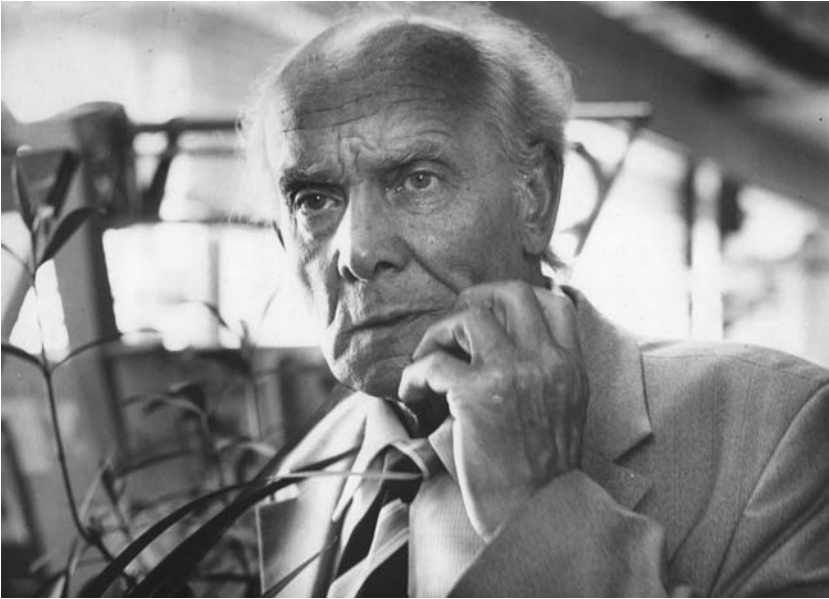
*Лансдорф
в к/ф «Щит и меч»*

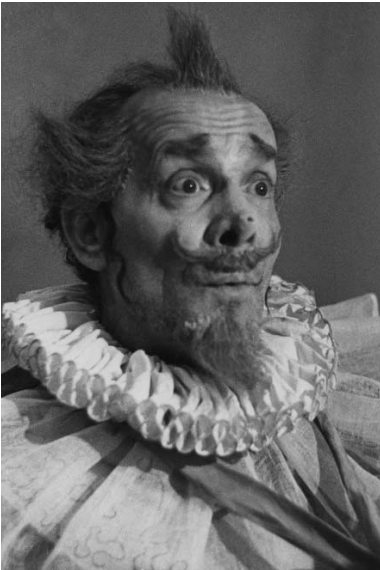
*Лука
в пьесе М. Горького
«На дне»*

*Староста
в к/ф «Восхождение»*

к/ф «Надежда и опора»

*Дон Мендоса
в спектакле «Дуэнья»*

**Антонина
СОБОЛЬЩИКОВА-САМАРИНА**

*Турусина – А.Н. Самарина
Крутицкий – В.Я. Дворжецкий
А.Н. Островский «На всякого мудреца
довольно простоты». 1970*

Юлия.
М. Горький «Дачники»

«Анна Каренина»

*Татьяна Марковна Бережкова.
И.А. Гончаров «Обрыв». 1956*

*Н.А. Самарина и Н.А. Левнаев
в спектакле Э. Тредуэ «Машиналь». 1933*

Литература

- Книги памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области. Н. Новгород. Т. 1–9.
- Голос родины: Альманах горьковских писателей. ОГИЗ. 1942. № 3.
- Назвать поименно: Свидетельствуют жертвы и очевидцы сталинского террора / Сост. М.А. Хазанов. Горький: ВВКИ, 1990. 160 с.
- Писатели-горьковчане. Горький: ВВКИ, 1976.
- Шамшурин В.А., Алексеев В.А. «Я вижу земную мою красоту»: Книга о Борисе Корнилове. Н. Новгород, 2007. 219 с.
- Кузьмичев И.К. Николай Кочин: Очерк творчества. Горький: ВВКИ, 1972.
- Жильцов В.И. Серебряный дождь: Сборник стихотворений. Н. Новгород, 2006.
- Жильцов В.И. Лисичкин хлеб: Сборник стихов. Н. Новгород: Вектор Тис, 2006. 236 с.
- Сто писателей-нижегородцев. Жизнь и творчество. Краткие сведения / Сост. В.А. Шамшурин. Н. Новгород: Книги, 2004. 216 с.
- Нижегородская антология прозы / Сост. В.А. Шамшурин. Н. Новгород: Книги, 2004. 360 с.
- Жучков В.И. Встречи на Откосе, или Созвездие Водолея. Н. Новгород, 2007. 522 с.
- Николай Кочин. Зона. Н. Новгород, 1993.
- Пономарев С. Когда мы были молоды: Воспоминания. Н. Новгород, 2001. 53 с.
- Нижегородский рабочий. 2007 г.: 11 янв. № 1; 26 июня, № 2, 25 июля, № 3; 9 авг., № 4.
- При подготовке очерков были использованы материалы Центрального архива Нижегородской области (Ф.Р.-2209. Оп. 3. Д. 1233. Л. 2. Л. 4 об.; Д. 5595. Л. 2.; Д. 5596, 5597, 5598, 5599)

Содержание

Предисловие. «Не забудьте, помяните...»	3
Вместо вступления. «Открытое письмо Сталину»	4
Краткие сведения о реабилитированных жертвах политических репрессий.	6
Борис Петрович Корнилов	9
Антонина Николаевна Соболецникова-Самарина	16
Вацлав Янович Дворжецкий	21
Николай Иванович Кочин	29
Александр Иванович Патреев	34
Павел Петрович Штатнов	37
Михаил Маркович Залесин	41
Федор Васильевич Жиженков	45
Сергей Михайлович Пономарев	50
Александр Николаевич Юрков	56
Владимир Иванович Жильцов	62

Творческое наследие

Проза

Александр Патреев. «На дармовщинку» (отрывок)	69
Николай Кочин. «Защиты».	72

Поэзия

Борис Корнилов	78
Владимир Жильцов	83
Павел Штатнов	86
Федор Жиженков.	89
Сергей Пономарев	91

Флорийская мозаика

Александр Юрков	93
---------------------------	----

Театр и кино

Вацлав Дворжецкий	97
Антонина Соболецникова-Самарина	101

<i>Литература</i>	104
-----------------------------	-----

ОПАЛЕННЫЕ ЛИХОЛЕТЬЕМ

Очерки о нижегородских деятелях культуры
и искусства, репрессированных
в 30–70-е годы XX века

Редактор – Н.О. Юдина
Корректор – Л.А. Ершова
Дизайн и верстка – В.В. Шеина

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Гельветика.
Усл.-печ. л. 6,28. Тираж 800 экз. Заказ № 935.

Типография «Юнион Принт».